МАРК ЗАХАРОВ

К БИБЛИИ ОТ НАУКИ

Марк Захаров

К Библии от науки

«Издательские решения»

Захаров М. М.

К Библии от науки / М. М. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909248-9

Основная интрига настоящего момента в том, что, несмотря на нежелание современных наук заниматься решением мировоззренческих вопросов, сегодня лишь Наука обладает потенциалом для разработки отвечающей современности «библии», т. е. разработки системы критериев «правильности» нашего поведения.А вот о чем и что должно говориться в современной «библии» от современной науки, вы узнаете уже из книги.

ISBN 978-5-44-909248-9

© Захаров М. М.
© Издательские решения

Содержание

Введение 6
Глава 1. О ПОНЯТИЯХ 12
Основные свойства понятий 14
Формирование понятий 17
Моделирование 22
Теория 25
Аксиома и гипотеза 27
Подход 29
Парадигма 31
Бритва Оккама 34
Достаточное об истине 35
Немного о культуре 41
Глава 2. О БИБЛИИ 43
Вера 44
Религия и церковь 47
Философия 52
Конец ознакомительного фрагмента. 55

К Библии от науки

Марк Михайлович Захаров

© Марк Михайлович Захаров, 2018

ISBN 978-5-4490-9248-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В своё время Фридрих Ницше справедливо отметил, что:

«Если человеку есть *Зачем* жить, он может вынести почти любое *Как*».

Сегодня же интрига в том, что за решение *мировоззренческих* вопросов, типа *«**Зачем**»* до сих пор так и не взяла на себя ответственность ни одна из известных наук.

Даже философию сегодня не интересует:
– В чем смысл нашего существования?
– Зачем мы живём? С какой целью?
– Живём ли в угоду очередному демиургу, дабы ублажать его нашей кротостью, верой и послушанием?
– Живём ли в угоду правителям и владетельным господам, дабы комфортней им было делить власть и влияние, расплачиваясь нашими судьбами?
– Может живём зачем-то ещё?
– А тогда – зачем?

Вопросов много. И это лишь мизер из тех – вечно актуальных, которыми люди озадачились с момента своего сотворения, и так и продолжают с маниакальным упорством выяснять: – а можно ли жить чуть-чуть лучше? И так, чтобы благочестиво, праведно, непогрешимо, честно, справедливо и, по возможности, одновременно всем.
Ну, а результат?

Он, конечно, есть. Его можно даже наблюдать, правда, не столько в ежедневной практике, сколько в виде святых текстов различных упанишад, талмудов, библий, апостольских откровений, озарений высшего начальства и остального фэнтези.

Наработано много, но всё дошедшее до нас зиждется на слабосодержательных, малоубедительных и неподдерживаемых практикой гипотезах, что, к сожалению, исключает использование упомянутых результатов для разработки ***универсальных*** критериев «правильности» поведения людей в реальных жизненных ситуациях.

Например, безмерно трудно согласится с рекомендацией «подставить левую», когда тебя банально убивают.

И проблемой здесь является не столько глубина самих исследований, сколько многоаспектность вопросов и возможных ответов на них. Попробуйте сами спросить тот же Google хотя бы по первой строчке вышеприведённого перечня – так в чём же смыл человеческой жизни с точки зрения её величества Природы?
Могу заверить, что число ответов будет как минимум шестизначным, где наиболее содержательные из них известят вас о том, что Природа (как и всегда) молчит, а вся история человеческих исследований упирается в привычный *тупик*.

Тупик, – поскольку уже самые начальные умопостроения показывают, что с точки зрения собственно Природы, смысла в жизни человека не больше, чем смысла в жизни роя пчёл, муравейника, стаи волков или попугаев. Сегодня мы (как и они) живём только потому, что это

естественно. Ну, а смысл – это чисто человеческое изобретение. И с такими причудами, что любое обобщение, любая классификация натыкается сразу на неодолимые трудности.

Например, можно попытаться объединить все наши «смыслы» в один, годный для всех, увязав его с «чудом человеческого существования», с «восторгом бытия». То есть, хрестоматийно предположить, что человек рождён для счастья, как птица для полёта.

Тогда здесь мы окончательно потеряемся, поскольку человеческое счастье определяется не столько тем, что нас окружает, сколько тем, – как мы к этому окружению относимся.

Ведь что нужно человеку для счастья? Теоретически – немного. Народ утверждает, что: – «С *милым рай и в шалаше*». Но, вдруг оказывается, что для одних таким «милым» является сам «шалаш», который в таких случаях больше похож на дворец с прислугой. Для других же, например, жён декабристов, оказывается необходимым бросить дворец с прислугой, чтобы соединиться с милым.

Очевидно, в этом многообразии легко запутаться, и встаёт другой не менее естественный вопрос:

– А есть ли он – «смысл для всех»? Ведь «смысл» – есть чисто человеческое и потому, возможно, лишь индивидуальное?

Именно на *этом выводе* чаше всего и настаивают многие «мудрецы», используя его при необходимости прикрыть откровенную неполноценность (а то и порок) – этой самой личной индивидуальностью.

Но достаточно пройти чуть дальше, чтобы с интересом обнаружить, что человека на каждый день занимает не столько «общий смысл» его деяний, сколько достижение совершенно конкретных «меленьких» личных целей. Доделать что-то на работе, закупиться на ужин, заглянуть в ТВ-ящик, или просто накачаться по выбору из списка: – гантели, девочки, философия, наркотики.

Другими словами, именно ***цель*** – и есть основное из определяющих и синтезирующих поведение человека понятий. И жизнь без *осмысленной* цели хотя бы на секунду – это жизнь даже не животного. Скорее отдельной его клетки.

Более того, понятие «Цель» самым теснейшим образом связанно с другим, ещё более важным для нас понятием – «Разум». Сегодня эти понятия равноправны и различимы, пожалуй, лишь контекстно. Ведь мы считаем любой поступок разумным тогда и только тогда, когда он целесообразен и наоборот, – всё что по нашим представлениям нецелесообразно одновременно и неразумно.

Отметим также, что цель – это не мечта или какое-то там пожелание. Цель это обязательно и планируемый результат, и осмысляемый алгоритм достижения, т.е. какая-то планируемая стратегия и тактика действий в пределах существующих возможностей.

И, наконец, ***самое главное*** – человек смог достичь своих вершин (в том числе и вершины пищевой цепочки) потому, что *научился* оптимально разделять задачу на выполнимые подзадачи, а главное – *объединять* и *координировать* усилия членов группы. Начиная, видимо, с охоты на мамонта.

А вот ***объединить*** людей в группу (сообщество), а тем более ***сплотить*** их в коллектив, способный достичь теоретически *любых* результатов, может, как известно, только (только!!!) *общая* ***цель***.

И тут мы снова возвращаемся к сакральным вопросам «смысла», но уже с их рационально-целевой стороны.

А нет ли чего такого в наших целях, мотивах и помыслах, что позволяет обобщить их в единый мотив, в единый помысел, в единую систему целей, как по отдельным общественным группам, так и в целом по обществу?

Другими словами, существует ли универсальная система критериев «***Правильности поведения***» всех нас и каждого в отдельности? И система – не как блажь мыслителей, а как реальный инструмент развития человеческой цивилизации.

Если нет, то почему? Если да, то что это за критерии? И пусть критерии даже не на века. Пусть на текущую пятилетку. Но обязательно исключающие всё вредное, ненужное и наоборот – мотивирующие, объединяющие в полезном.

Правда, об этом хорошо бы поговорить уже с самых рациональных (читай – научных) позиций, что как-то надёжнее.

«Научные позиции» желательны ещё и потому, что наука на сегодня – есть область духовной и материальной деятельности человека, призванная отличать вымысел от реальности.

Например, на сегодня Наука отрицает существование любых неотвратимостей, неминуемостей, предопределённостей, предуготовленностей и напрямую связывает все причины изменений в человеке и его окружении с самим человеком, с его внутренними свойствами.

А это архиважно. Одно дело человек творит себя сам, творит своим поведением, своими усилиями, сам меняет что-то в себе и своём окружении. И совершенно другое, если его поведение определяет «чья то воля», «осчастливливает» человека без возможности даже обсудить, а, тем более, воспрепятствовать нежелаемому. И всё это в условиях известных традиций, обстоятельств, да и собственных «ленивых» свойств, которые настраивают человека больше надеяться и ждать, чем действовать.

Наука же на сегодня *официально* подтверждает полную «*автономность*» человека от любых «предначертанностей», объявляет его полным хозяином всех своих способностей.

И это действительно похоже на правду, ибо в противном случае:

– изучение зоологии в школе пришлось бы начинать с обсуждения *судьбы* или *сглаза* уже у амёбы-туфельки,

– а в суде, каждый раз, после заявлений защиты о том, что «в тот роковой момент» рукой ответчика двигало исключительно само Провидение, судьям и присяжным оставалось бы просто разойтись по домам.

Но суть происходящего в том, что для прояснения поднятых вопросов одной «науки» – будет мало. Понадобиться и «библия», и «религия», и многое остальное, поскольку всякая большая Цель и заложенный в ней большой Смысл всегда безраздельно связаны с большой Верой.

Не получается двигаться к цели, не видя смысла или не веря в возможность её достижения. Потому содержание всякой Веры неотъемлемо включает в себя убеждённость в достижимости результата, в справедливости исходных постулатов и «правильности» самих целей.

И во что только не верил человек вчера. И в духов, и в демонов. И в полибогов, и в монобога. И в царя, и в отечество. И в равенство, и в братство. И в капитализм, и в коммунизм. И даже в Партию. Так во что же ему предстоит верить завтра?

Если рискнуть углубиться в «экзо-террариум», посвящённый этой проблематике литературы, то можно свихнуть мозги в *сегодняшнем* многообразии возможных ответов. Каких предположений и рекомендаций там только нет. Простое перечисление – это отдельная книга.

Так почему и зачем прорвало шлюзы «накопившейся мудрости»? Откуда этот интеллектуальный смерч, дробящий в муку наше достаточно терпимое *вчера* ради сомнительно лучезарного *завтра*. Смерч, прессующий в кучу малу научные достижения, основы разных вероучений и накоплений личной мудрости? И самое главное, – откуда этот непрерывно взвинчивающийся интерес к этому крайне занимательному явлению?

Думается, что всё просто. Накопленный в мире объем знаний при современных скоростях передачи и усвоения информации всё быстрее, отчётливее и жёстче формирует границы общей истины для всех – о *взаимозависимости всех нас* на нашей планете. Планете – как *Нашего Общего Дома* и одновременно – микроскопической песчинке в пустоте бесконечного космоса.

Именно это глобально-обобщающее представление определяет интенсивно растущую потребность общества в Единой Вере будущего; Вере – объясняющей и предписывающей поведенческие установки для каждого из нас и для нас всех вместе взятых.

И творит эту Веру своего завтра практически сам народ. Мысль даже рядового смертного уже не хочет мириться с тем, что богов может быть много, разных, притом одновременно всемогущих и неконфликтующих. Сегодня становится всё ближе и понятнее мысль, что с богами – в самом начале кто-то был уже не прав.

И именно этот момент порождает:

– попытки объяснить многообразие существующих религий прошлой этнической разобщённостью,

– желание привести эту разобщённость к общему знаменателю, т.е. общему, удовлетворяющему всех Богу, которого каждый народ в своё время назвал и оставляет за собой право называть по-своему: – Шива, Будда, Кецалькоатль, Саваоф, Спаситель, Аллах, Демиург, Вождь, Партия, и т. п.

– всё усиливающуюся тенденцию к неверию в богов старых, к синтезу богов новых, новых демиургов.

И тенденция эта крайне серьёзна. Умнеет народ. Хочет понимать, а главное, – сознательно участвовать в процессе синтеза новой «обобщённой» религии или более привлекательного атеизма.

Естественно, умнеет и церковь. Ещё к началу XX века наконец-то установилась непререкаемо-бесспорной простая мысль, что все христиане читают одно Евангелие, что все они ученики Христа, а потому должны стремиться воссоединить в общей вере все лучшее, добытое каждой Церковью.

Собственно эта самоочевидность и стала содержанием так называемого экуменического движения, в рамках Всемирного Совета Церквей, расширяющегося и в настоящее время.

И движения даже результативного. Так уже в 1964 году после 50-летних дебатов и переговоров, Папа Римский и Патриарх Константинопольский, во славу окончательного примирения, торжественно отменяют взаимные проклятия обеих Церквей, произнесённые в IX веке.

А уже совсем недавно – в феврале 2016 года – патриарх Московский и всея Руси Кирилл и папа римский Франциск «говорили как братья» и подписали декларацию, касающуюся насущных проблем паствы и перспектив развития человеческой цивилизации.

Конечно, – проклятья отменить не сложно. Чай, не деньги делить. А вот как быть с приходом? Народ хоть пока и безмолвствует, но мозгует. И здесь, думается, уже в текущем столетии указанные тенденции и усиливающаяся потеря позиций заставит-таки служителей *многих* (а то и всех) вековых культов пойти ещё дальше. И не просто в направлении развития веротерпимостных инициатив, а сесть за круглый стол «чисто конкретных» переговоров о возможностях перетолковании вероосновв в сторону обобщений. Обобщений под весьма прозрачным лозунгом – Бог един, только названия разные.

Правда, если выяснится, что бог един, то за что было пролито столько крови «неверных»? И что это за бог, который допустил такое?

С ответом на этот вопрос поп***ы***, думается, справятся. Тем боле, что «общебожие» могло бы оказаться весьма полезным для умнеющих прихожан, ну хотя бы с мирорадетельных позиций. Ведь если Бог *един*, то и верующие в него – суть *один народ, на одной планете* со всеми проблемами и чаяниями, где не остаётся поводов для религиозных разногласий и тем более – для межэтнических споров и войн.

И, думается, если за круглый стол переговоров современные «папы» не сядут, то сядут те, кто хочет стать «папами» во вновь созданной «Единой» церкви.

А народ воспринимать готов. Интернет делает своё дело.

Но умнеет не только народ и попы. Умнеет и наука. Становится всё более и более очевидным, что как научные, так и религиозные умопостроения исходят из одной общей потребности человека все понять и объяснить, чтобы предвидеть и оптимально планировать «правильность» своего поведения. И совершаются эти построения одинаково в голове, а, следовательно, по одним и тем же психологическим законам.

Другими словами, наука дозрела до понимания того, что Вера, и её основания могут иметь в своей основе и строго научный подход. Да и сама наука уже не может обойтись без собственной Веры.

Притом Веры в её современном понимании, т.е. с привнесением и узакониванием в строгом научном лексиконе таких понятий как культ, религия, церковь.

Тогда, – что же может предложить наука на сегодня и ближайшее завтра на тему смысла и целей; о чём должно говориться в ***Библии от Науки?***

Мою версию ответа вы узнаете, если прочтёте книгу дальше. Но, не могу не предупредить рискнувшего читателя об определённой сдержанности в изложении, а также о тяжёлом атеистическом наследии, привнесённом в язык и мысли тридцатипятилетним опытом работы в научных лабораториях над проблемами роботов и других умных механизмов.

В книге я сознательно избегал частых ссылок на первоисточники и использование «научных слов», дабы не впадать в гипноз авторитетов, а только обобщать, хотя и из самоочевидного материала, но обязательно усилиями собственного сознания.

Потому и вопросы, которые нам предстоит обсудить – суть вопросы идеологической веронаправленности. А вера и связанная с ней идеология есть область человеческого знания, которая должна быть доступна *всем*, а не только *посвящённым* в этимологические тайны понятийных начал и «хранителям чистоты» эзо или экзо воззрений.

Более того, я неколебимо убеждён, что по обсуждаемым ниже вопросам любой *состоявшийся* ***интеллект обязан*** иметь не впечатление из каши понятий, а целостное связное воззрение. Воззрение, для которого любое суждение, почерпнутое из любых источников (в том числе и из этой книги) является лишь катализатором формирования суждений собственных.

И здесь допустимо лишь отсутствие интереса к автору. К его замыслам, языку, манере изложения, но никак не к самой теме.

Тогда, с теми, у кого в крови Sapere aude – неистребимая потребность постоянно совершенствовать знания и умения – мы и пойдём дальше. Думать вместе, без догматов-имён и избыточных ссылок, концентрируясь исключительно на содержательности самих идей, но с бесконечной благодарностью к их авторам, памятуя, что придумать что-то умно-новое из ничего невозможно.

Невозможно ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Поскольку исходит и развивается всякое новое точно так же, как развивается сама мысль о преемственности наших знаний. Мысль, ещё возмущавшая Декарта восклицавшего, что уже не осталось ничего необсуждённого мудрецами и уточнённая Ньютоном предрекающим: – «Если кому-то и посчастливится заглянуть чуть дальше других, то только потому, что он сумеет вскарабкаться на плечи титанов».

Ну, так что? Покарабкаемся, читатель?

Глава 1. О ПОНЯТИЯХ

И так, мы собираемся строить научно обоснованные религиозные убеждения, полагая, что наши действия рациональны и целесообразны, а результаты непротиворечивы и осмысляемы.

Ну, а строить нам придётся из того, из чего строят любые убеждения – из понятий. Потому, для начала, осмотрим и ощупаем наш строительный материал, оценим, хотя бы в первом приближении, его прочностные и эстетические возможности, дабы построенное не проседало и не рушилось, а было красивым и полезным.

Если вы захотите знать – что есть понятие, то упаси вас бог обратиться за определением к современному философскому словарю. Это три страницы текста шрифтом в 8 пунктов со 100% гарантией, что вы так и не поймёте, в чём суть. Так что придётся разбираться самостоятельно.

И так, в пренатальном и раннем перинатальном возрасте источником информации о наших столкновениях с реальностью являются только наши внешние и внутренние рецепторы (наши ощущала), фиксирующие и преобразующие любые ***проявления информативности*** электрохимических процессов, протекающих в нейронных сетях нервной системы.

А что в мире хаотически срабатывающих нейронов может быть информативно? Очевидно, это может быть лишь надёжно фиксируемая повторяемость, регулярность, цикличность, систематичность, закономерность или хотя бы симметричность срабатываний в нейронных цепях при одних и тех же воздействиях на рецепторы, как снаружи, так и изнутри. При том, повторяемость неважно какая (амплитудная, частотная, временная, резистивная…), но обязательно стабильно фиксируемая нейронной сетью.

Можно даже предположить, что структура такой сети собственно и формируется в результате действия подобных факторов. Предполагается, что под действием некого *постоянного* воздействия аксон нейрона начинает расти и ветвится, образуя синапсы с дендритами других нейронов. Это происходит до тех пор, пока аксоны не обрастут миелином. Обрастут окончательно и примерно к 10 летнему возрасту.

Это реакция нейронной сети если *извлекать* информацию, анализировать и назначать ей смысл. Но, если говорить, о целесообразном уже поведении, то здесь, очевидно, потребуется анализ уже не только «повторяемостей» воздействий, но и оценки «правильности» ответных реакций на эти воздействия. При этом, начальными, поверочными шаблонами «правильности» могут служить поступки, формируемые врождёнными инстинктами и физиологическими потребностями жизнедеятельности, а оценками – простейшие рефлексы, проявляющиеся в пределах индивидуальных порогов срабатывания всех наших «ощущал».

Сознание же, при этом, не просто фиксирует всё новые и новые связи нейронов, но и классифицирует, запоминает и связывает между собой результаты одинаковых воздействий с одинаковыми реакциями, объединяет их в самостоятельные группы и назначает им «имена собственные».

И уже с этими «именами собственными» сознание продолжает работать как с самостоятельными законченными атомарными, т.е. неделимыми сущностями, называя их ***понятиями***, *удобными* для построений и осмысления идей, абстракций.

А вот ответ на вопрос – как сознание всё это делает – никому пока не известен.

Так, что здесь можно много чего предполагать, воображать, мнить, гадать, подозревать, но оставим это другой книге. А пока, не вдаваясь в подробности (о которых собственно ничего и неизвестно), положим, что вышеперечисленное и многое другое составляет исходные, «неосмысляемые» моменты, из которых сознание и «выпекает» свои понятия, в каждом из которых выделяется и фиксируется одно или несколько упомянутых «постоянств».

Отметим, что главным обеспечивающим моментом способностей нашего сознания, собственно и является возможность реального существования вышеупомянутых «постоянств», природу которых мы рассмотрим ниже и проявление которых, оказывается, можно не только наблюдать и фиксировать, но и *прогнозировать*, что и является самым главным из всех полезных свойств сознания человека.

Основные свойства понятий

На сегодняшний день никто более философии не усердствовал (пыжился, тщился, силился, норовил) поставить последнюю точку в теме сознания и понятий. Потому, думается, будет полезным сразу обозначить наши координаты в бескрайнем море её зыбких и туманных определений.

Дабы исключить любую предвзятость к известным философским системам и школам, предлагаю вернуться к истокам материализма, где нам предстоит умствовать на порхалище номинализма (умеренного концептуализма) и его производных с оттенками от младо… до нео… и пост…

Номинализм предполагает, что реально существуют только вещи с их *индивидуальными* свойствами, а всё отдельное, общее, всеобщее – существует лишь как понятия. Сознание и окружающая его реальность представляют собой два разных мира, каждый из которых живёт и развивается по своим законам. При этом, вещи и понятия о них связаны между собой весьма опосредовано.

Но, если на слове «опосредовано» остановиться – значит сказать не больше диалектического материалиста, что сегодня уже не характеризует с хорошей стороны и заставляет нас пройти чуть дальше.

Начнём, пожалуй, с объектного (описывающего объект) понятия «вода». И сразу отметим, что такого объекта, как «вода вообще» в реальности не существует. Понятие «вода» описывает некую совокупность всех мыслимых свойств, присущих всем видам реальных «вод» – океанской, озёрной, речной, болотной, дистиллированной или воды из лужи. При этом не всех свойств сразу, а их части, определяемой контекстом ситуации, т.е. связанным с её конкретным употреблением и передачи информации, относящейся только к конкретно рассматриваемой ситуации.

Можно возразить, что для «точного» описания воды можно использовать, например, её современное представление как вещества, молекула которого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Но, что тогда делать с водяным паром, молекулы которого имеет такое же строение, присутствуют в воздухе и в структурах известных минеральных и даже металлоидных кристаллов.

Кроме того, «водородо-кислородное» представление вода приобрела лишь в 1771 году, после её соответствующего описания Генри Кавендишем. До этого воду долго считали сначала «стихией», потом моноэлементом и совершенно спокойно обходились этим «ограниченным» представлением.

Другими словами, понятие *вода* – это ***абстракция***, которую мы используем только для удобства передачи информации, каждый раз оставляя за ней только те свойства, которые определяются контекстом передаваемого смысла.

Например, если «целую» бочку разлить по канистрам, то для стороннего наблюдателя это будут уже различные «воды», каждую из которых можно отдельно от других подогревать, охлаждать, переносить, очищать от примесей, газировать, покупать, продавать и т.д..

При этом полный перечень свойства этих «вод» (вплоть до её вредности) может оказаться также разным – вследствие примесей попавших в воду из б/у канистр разной степени «помытости». Тем не менее, каждый обладающий упомянутой канистрой, будет убеждён, что он владеет-таки *водой*, где всё остальное не суть.

Это же всё справедливо и для абстракции – «*Человек*», который в реальности существует лишь как реальный Иванов, реальный Петров, реальный Сидоров – как объект единичный и обязательно целостный и со своими индивидуальными свойствами, позволяющими различать эти объекты между собой не только по фамилии.

Или понятие «бензин». Понятие одно, а состав может оказаться совершенно разным. Даже химики определяют бензин без формул. Для них бензин есть горючая смесь лёгких углеводородов с температурой кипения от 33° до 205° С.

А если про бензин спросить сидящую за рулём блондинку, то мы узнаем, что бензин это мерзко пахнущая жидкость, которую заливают в её авто, чтобы оно ехало.

И во всех случаях – всем всё понятно. И про воду, и про бензин, и про блондинку.

Теперь отметим (самую многочисленную) группу понятий, которые обозначают не реальный объект, а лишь совокупность свойств, присущих одновременно совершенно разным объектам. Например, стол, стул и скамеечка.

В природе вообще не существует столов, стульев и скамеечек, как *объективно* существующих предметов. Понятия есть, а соответствующих этим понятиям вещей нет. Это понятие, которые мы назовём – понятиями «функциональными», позволяющими (в нашем случае) *удобно* обозначать *любую* поверхность, используемую человеком для определённых видов деятельности.

Например, если стол занят, можно сесть на скамеечку, а в качестве стола задействовать стул. Или сесть на стул, а скамеечку, поставив на колени, использовать в качестве стола.

И вообще, в качестве *стола* можно использовать как стол, стул, скамеечку, так и пенёк, капот автомобиля, кусок фанеры, гладкий камень, чемодан, снятую с петель дверь и, грубо говоря, всё остальное – необходимо и достаточно ровное и твёрдое.

И таких понятий не одно, два, три – они почти все такие. Пол, потолок, окно, зверь, человек, часы, молоток…

Ведь гвоздь можно забивать и часами, а молоток – с успехом пользовать как часы, наблюдая за солнечной тенью от его рукоятки.

Можно также рассмотреть понятия описывающие сами свойства, например, действия, или изменения. Подобные понятия оказывается, уже не имеют привязки ни к какому из объектов. Ведь «бежать» может и лошадь и молоко из кастрюли, и та же вода в ручье, и облака, и годы.

И, наконец, понятия обозначающие объекты, которых в природе просто не может, а точнее – их не должно даже предположительно существовать. Например, Баба Яга, Мальчик-с-пальчик, Полифем сын бога Посейдона, сам бог Посейдон, Кот в сапогах и т. п. Они так и называются – сказочные объекты. Т.е. объекты, о которых можно говорить (сказывать), но нельзя обнаружить в реальности.

Таким образом мы видим, что связь между реальными объектами и объектами в нашей голове действительно «весьма опосредована». Свойства реальных объектов выявляются при

их взаимодействии друг с другом и с нашими органами чувств, а вот в отношении *мыслимых* объектов можно даже утверждать, что их свойства – назначаются.

Назначаются сознанием из анализа не только *реальных* воздействий объекта на наши ощущала, но и воздействий *предполагаемых,* приписываемых объекту, исходя из приобретённого наблюдателем жизненного опыта. Например, если у рассматриваемого в бинокль *неизвестного* животного зубы острые и длинные, то наблюдатель имеет право предположить, что это, скорее всего, – хищник.

Даже более того, возникает подозрение (но, только подозрение!), что сознание с понятиями может делать всё что хочет. Другими словами, может предположить, что понятия об объектах возникают не столько в силу воздействий неких объектов на человека, сколько с целью удовлетворения нужд самого сознания. И используются сознанием, пожалуй, больше для установления связей, передачи смысла, чем для обозначения каких-то там чьих-то свойств.

Вот так и так получается, что ***любое*** понятие это только ***абстракция***. Удобная для *сознания* абстракция, включающая в себя не только часть реальных свойств каких-то объектов, но, возможно, и часть свойств объектов вымышленных. Или вымышленных свойств реальных объектов.

Формирование понятий

Очевидно, что понятие – *«Понятие»*, являясь *результатом* мышления, не может быть ни осмотрено, ни ощупано вне сознания, с которого мы просто обязаны начать.

Но глубоко в «начала» залезать не будем, а начнём где-то с Декарта. Т.е. согласимся, что *каждый*, если он мыслит, значит существует.

Каким образом механизм мышления реализуется в природе – нам неизвестно, но результат он конкретен и осмысляем. И, поскольку всякий мыслящий Иванов, Петров, Сидоров может мыслить на земле, под водой и в к осмосе, не общаясь с другими и даже не подозревая об их существовании, то можно (и нужно) предположить, что каждый из них формирует свои собственные понятия в виде слов своего «внутреннего» *языка*, на котором он сам с собой и разговаривает.

При этом, содержательность, смысловая наполненность слов этого личного языка адекватна (можно даже сказать – т*ождественна*) содержательности самих понятий, используемых для «внутреннего пользования».

Для «внешнего» же пользования, к определённому возрасту в сознании каждого формируется индивидуальный транслятор со слов внутреннего языка на язык среды по месту жительства – русский, английский, китайский.

При этом, собственно само сознание нельзя «ощутить» как мы это можем делать с реальными объектами. Глазами, руками или понюхать. Сегодня сознание мы рассматриваем как ***свойство*** некой материальной структуры, которую мы называем носителем, и считаем, что вне носителя и без него никакое сознание реализовано быть не может.

Естественно, прямо здесь следовало бы обсудить – как свойство «сознание» встроено в носитель. За счёт чего и как в нем реализуется. Или хотя бы – как это вообще возможно?

Но, увы. Сегодня как на эти, так и все остальные вопросы о сознании, нет ни одного даже маленького ответика, проясняющего картину.

Ну, а потому, – мы будем только о том, о чём хоть как-то можно.

Например, отметим сразу, что мы никак не сможем отделить Сознание от Носителя, поскольку свойство неотделимо от объекта.

Но чтобы обладать нужным свойством, объект должен «состоять» из определённых элементов, связанных определённым образом. Т.е. всякое свойство всегда связано с определяющей его структурой. Как, например, свойство телевизора – чего-то там показывать – полностью определяется природой и организацией составляющих его элементов, которые в нужных нам состояниях просто не могут не проявлять своих «телевизионных» свойств.

Для носителя же доподлинно установлено, что при *избыточном* физическом, химическом и другом на него воздействии (битии бытиём :-) носитель ломается и теряет частично или полностью своё уникальное свойство – свойство мыслить.

Собственно, этот момент и позволяет рассматривать носитель способным существовать *как бы* отдельно от сознания, а сознание рассматривать – как *свойство* всякого не сломанного носителя. Неотъемлемое свойство и не более того Но, и не менее.

А, если ещё короче, то Сознание без носителя читай – фантастика, а Носитель без сознания читай – труп. Или, если хотите, – экс-носитель. Экс-носитель Иванова, Петрова, Сидорова, если говорить снова о реальном единичном.

Здесь всё также просто как ответ на вопрос – что нам позволяет компьютер называть компьютером и какая степень его поломки требует приставки экс. Ответ на этот вопрос, собственно, и позволяет без труда воспринимать всякого способного мыслить как бездефектный носитель с индивидуальным сознанием, подобно индивидуальным свойствам компьютеров разных моделей.

Теперь по вопросу формирования понятий. Пока человечеством твёрдо установлено лишь то, что понятия есть результат обучения и размышлений.

Вот наш совсем недавно рождённый малыш увидел яркую вещь. Потянул (инстинктивно) к ней ручонку, промазал. Потянул повторно *целенаправленно*, контролируя движения зрением – опять промазал. И так пока не дотянулся и не почувствовал какое оно на ощупь. Потянулся к другой вещи. Достал. Пощупал. Сравнил впечатления. Уловил разницу. Образовал новые понятия. Уточнил старые.

Двигаясь, малыш учится сидеть, стоять, ходить. А ходить, когда вокруг тебя сплошные «грабли», – это уже целая цепочка умозаключений и поступков – наступил – получил – сделал вывод. Не сделал вывод – получил ещё.

И так по каждому жизненному разделу. Методом личных (*двигательных*) проб и ошибок.

И двигательных до тех пор, пока малыш не научится вычленять информацию из звуков и речи. После этого обучение продолжается уже с наставником. Например, мама указывает ребёнку на что-то красное и говорит: «Это красный цвет». Что видит при этом ребёнок мама не знает, да и ребёнок тоже. Может зелёный. Но запоминает – *красный*. И уже потом, со всеми вместе: «Это – красный». И если мама дальтоник, то малышу, увы, придётся переучиваться.

А вот мама на прогулке указывает пальчиком: «Видишь, это наш дом». И теперь малыш, будет утверждать тоже самое вслед за мамой, указывая пальчиком.

НО! Когда мама произносит: «Это наш дом», у неё в сознании мгновенно проскальзывает не один образ. Здесь образ стен и мебели, требующих ремонта, и образ небритого папы, и насекомых за плинтусом. Допускается даже образ соседа с разной степенью неприязни вплоть до противоположной.

К малышу это тоже всё придёт по мере накопления опыта и корректировки приобретённого в детстве. Естественно, не в таком же точно сочетании, но в не менее богатом и образном.

И наконец, в школе малыш перейдёт к последнему и самому затейливому способу получения знаний. Знаний из книги. В одной из них он прочтёт, что «умножающий знание умножает скорбь», в другой, что «знание – сила». И сколько же ему останется ещё перечитать и переосмыслить, чтобы убедиться, что правы оба автора, но не абсолютно. Что правда зависит от многого, даже от желания эту правду знать.

И всё это, чтобы в конечном итоге, подобно Сократу, прийти к выводу, что он твёрдо знает лишь то, что он ничего не знает.

Но это всё потом. А пока у малыша развитие абстрактного мышления связано, прежде всего, с обдумыванием движений. Начинаются они (и обдумывания, и движения) ещё прена-

тально и существенно предшествует развитию письма и речи. Да, и вообще от них не зависят. Скорее наоборот. Ведь абстрактно мыслить в совершенстве – не значит в совершенстве говорить и писать. В противном случае, как заметил кто-то из титанов, все великие болтуны слыли бы и великими мудрецами.

Но сколько бы слов не изобретали «болтуны», их количество (*слов*) в любом языке, определённо, меньше, чем индивидуальных понятий. Более того, – у каждого индивида содержательность его личных понятий в течении только *одного дня* меняется в зависимости от съеденного, выпитого или просто от того, – с какой ноги встал. Поэтому, одни и те же слова, произносимые одним и тем же человеком в течении дня, могут существенно отличаться по содержанию. Я уже не говорю о возрастных наслоениях.

И как мы выкручиваемся из этой многозначности? Элементарно! Когда, *при общении* друг с другом, мы используем то или иное слово, мы *по умолчанию* полагаем его наполненным равным для всех смыслом.

И пусть далеко не всегда это справедливо, но вполне достижимо с требуемой для практики точностью. Просто, желающим договориться, следует чаще заглядывать в толковые словари, больше читать, общаться и корректировать содержательность понятий до состояния «общеочевидности» одновременно у всех участников обсуждения.

А потому и начинать любое обсуждение лучше с *уточнения* используемых понятий.

Здесь, возможно, вы подумали, что для вышеупомянутого «уточнения» придётся углубиться в дебри философии или там – логики, лингвистики, семиотики, лексикологии, этимологии, и т. п.

Скажу сразу, – такого мы делать не будем. И не потому, что стесняемся. Просто – это ничего не даст, ибо там (в дебрях) все ужасно мутно и по кругу.

Судите сами. В философии определение слова «понятие» начинается так: «Понятие – это форма мышления, в которой отражается…».

Естественно сразу встают вопросы: что есть «форма», что суть «мышление» и как это – «отражается».

И если мы зададимся целью определить это *всё*, то окажется, что без порочного замкнутого круга определения понятий через самих себя мы не сможем обойтись. Не сможем, если захотим, чтобы каждое новое понятие определялось через уже определённые нами ранее.

Здесь всегда остаётся проблемой – а как и через какие понятия определить самое первое (исходное) понятие?

А, если определить исходное понятие через уже определённые, то получим круг. Если же круг разорвать, то мы напрямую столкнёмся с бесконечностью последовательных определений, в конечном итоге ничего собственно и не определяющих.

Кто не верит, пусть попробует сам, а для облегчения пример.

В диалектическом материализме Материя определена как объективная реальность, независящая от нашего сознания. Там же, всё что зависит от нашего сознания – определяется как Идея. Таким образом, Материя – это то, что остаётся в реальности, если из неё выделить Идею и наоборот.

Пусть Идея нематериальна и её нельзя пощупать, но её можно передать другому, как часть реальности и, следовательно, Материя и Идея определяются друг через друга, т.е. по кругу.

Ну и что тут плохого? – спросит неискушённый читатель. Ведь все понятно. И вроде бы всё схвачено. Чем плох такой круг?

А можно сказать, что и ничем. Ничем, кроме того, что в подобном случае ничему другому между Материей и Идеей уже не должно быть места, а в реальности – любое одно есть либо Материя, либо Идея. Что, в общем-то, вполне приемлемо, когда нужно что-то быстренько обозначить в рамках кокой-то узкой темы.

Но вот возникает необходимость определить такие категории как Пространство и Время, без которых материи не обойтись. То вдруг обнаруживается, что вышеупомянутые категории обозначают нечто, не относящееся ни к Материи, ни к Идее. Вдруг выясняется, что Пространство и Время – это некие «Атрибуты Материи».

Конечно, можно и дальше нагромождать понятия на понятия. Что всякий Атрибут сам по себе без Материи не существует, что он суть форма (?), способ (?) её существования, обусловленный самим содержанием (?) этих категорий (?), ну, и т. д.

Но поздно. Круг разорван. И пусть Материя существует сама по себе, тогда как Идея и Атрибут требуют присутствия Материи. Пусть!

Но Атрибут – это не Идея, и не Материя. Но он есть! И не в Идее, и не в Материи. Стало быть – как-то так сам по себе, но (желательно) в той же реальности.

Таким образом, оказывается, что и Материя, и Идея, и Атрибут существуют, как самостоятельные сущности и как всякие сущности (в диамате) обязаны иметь собственные противоположности. Т.е. всякий Атрибут обязан иметь собственный Антиатрибут, с которым он должен «сливаться в тождестве», чтобы развиваться. Да, и почему атрибуты только у Материи? А почему и у Идеи не может быть своих атрибутов? Пусть пока не названных? А у каждого из атрибутов – своих атрибутов? А у тех, в свою очередь… И так далее… До дурной бесконечности.

Вот так и появляется возможность между Материей и Идеей (из которых вроде бы и состоит вся реальность) установить бесконечное количество самостоятельных сущностей, сводящих общую картину определений практически к хаосу, где допустима лишь классификация по классам, семействам, родам, но никак не систематизированная картина строго определённых императивных связей.

Поэтому обсуждать все это в ключе последовательных определений мы категорически откажемся. Заодно, вняв рекомендациям титанов, откажемся и от жёстких дефиниций и сосредоточимся исключительно на интуиции и здравом смысле.

Том самом сократовском здравом смысле, который предписывает не повиноваться ничему, кроме тех убеждений, которые после тщательной проверки представляются наилучшими, т.е. предельно удобными и убедительными.

И надо сказать это будет правильно, ибо любое учение, даже самое формальное (читай – математическое), начинается с так называемых исходных или ***интуитивно определяемых*** понятий. Понятий, сформированных в голове из личного опыта, воспринимаемых и обогащаемых через опыт, не требующих дополнительных словесных пояснений, а зачастую просто и не сводимые к ним.

– А к чему сводимые? – спросит любознательный читатель.

Здесь нельзя ответить одновременно и *точно*, и *честно*. В конечном итоге все упрётся в понятие интуиции, воспринимаемое нами также «интуитивно». После чего уже никакой набор слов о сознаниях, подсознаниях, знаках, символах первого и следующих порядков, существующих в голове как-то одновременно-порознь-слившись – ничего не прояснит. Только запутает.

Просто спросите себя сами – что такое для вас «точка» или «луч» из школьного курса геометрии. Что такое некий «образ» в голове. В чем смысл понятия «Смысл» и что есть – «Смысл» вообще. Что такое «Вера», «Любовь», «Гордость», «Счастье»?

И вам придётся согласиться, что каждому из нас необходимо не только родиться со способностью мыслить, но и попознавать и попочувствовать, чтобы, опираясь на накопленный опыт, проникнуться и наполнить, а затем и углубить смысл используемых понятий.

Потому дети (и даже большого возраста) чаще просто *не воспринимают* понятия в достойном объёме.

Например, при поступлении в институт киноинженеров одна девушка на вопрос: «Какую фотографию можно назвать художественной?», – запросто ответила: «Это когда художник нарисует, а фотограф сфотографирует».

Вот почему осмысление и уточнение исходных интуитивно воспринимаемых понятий и их обогащение проходит красной нитью через всю человеческую жизнь, через весь личный жизненный опыт человека.

Моделирование

В разное время, разными школами мыслителей и даже разными авторами одной и той же школы, процесс мышления определялся по-разному. Сегодня же, даже современными философами, легко принимается тот момент, что в сознании при его взаимодействии как с миром вещей, так и с миром самих идей в качестве сухого осадка остаётся лишь понятийная модель этих миров, т.е. ***модель***, собранная, сотканная, изготовленная из понятий.

При этом, модель как реального, мира, так и любого возможного (виртуального), т.е. модель всего того, что можно вообразить.

Притом – именно *модель*, а не какое-то там *зеркальное отражение*. Модель, где любому достойному внимания нюансику в системе взаимоотношений *субъектов и объектов* (друг с другом и во всех сочетаниях) ставится в соответствие какое-то понятие или группа понятий, где и сами объекты, их свойства, связи и результаты взаимодействий между ними – суть так же понятия.

Так почему не *отражение*? Да, потому и категорически! Отражение (даже с волшебной приставкой – диалектическое) может быть прямое, зеркальное и в разной степени искажённое. Но отражение не может содержать того, чего нет в отражаемом материале. А вот смоделировать можно любую реальность. В том числе – не способную существовать даже предположительно.

А как «предположительно» можно излагать жёнам, мужьям, друзьям, начальникам – знают все.

И вообще. Откройте любую сказку, любое фэнтези и вы увидите что может сознание в плане моделирования того, чего не может существовать в принципе.

Таким образом, в реальности мы имеем каждый объект, как он там есть и одновременно их всех вместе взятых. И каждый из нас, по мере накопления личного опыта и интенсивности наблюдений, рано или поздно обнаруживает, что в результатах взаимодействия объектов между собой имеет место некая назойливая повторяемость. Ненаучно говоря, каждый раз, поднимая чемодан мы *всегда* чувствуем тяжесть.

Далее, всякое подмеченное *постоянство* связывается со *свойствами* объектов, с их стабильными признаками, которые у каждого объекта *свои* и которые собственно и позволяют нам различать и сравнивать объекты между собой, а также группировать их и классифицировать.

Другими словами, мы естественно и автоматически отмечаем *стабильно повторяющийся результат* взаимодействия нашего объекта с другими. И прежде всего – с нашими органами чувств – зрением, осязанием, обонянием, слухом.

Причём это касается не только объективно существующих объектов. Это касается всего, чего касается (типа каламбур) наше мышление. Т.е. касается собственно самих свойств, признаков и отличий. В этом случае сами понятия оказываются объектами изучения, осмысления, преобразования и корректировки.

Описание объекта через свойства – есть его внешнее описание со стороны как бы формы, определяющей то, что мы и связываем с интуитивным восприятием. При этом, количество требуемых для описания свойств какого-то объекта, ограничивается условиями лишь необходимости и достаточности для «отличения» – его выделения из среды как нечто целого, сущего самостоятельно.

С этого, собственно, и начинали древние греки. Платон в своё время имел неосторожность публично привести такое определение человека: – «Человек – это двуногое животное без перьев». Тогда, бессердечный Диоген, ощипав живого петуха, не без ехидства, выпустил его в академическую аудиторию со словами: «Вот человек Платона!». И Платону ничего не оставалось, как признать логическую ошибку и уточнить исходное определение, дополнив его ещё одним свойством: «Человек – это двуногое животное без перьев с плоскими ногтями».

Да, да, читатель. Именно с вот таких логических «высот», с таких «свойств-отличий» и начиналась логика современных наук.

И не надо улыбок. Не забываем – они ***начинали***. Точнее, – начинали ***они***. Вы это поймёте, когда что-нибудь начнёте сами.

Так что вернёмся к нашим проблемам.

Выделив объект из среды, люди за ним наблюдали, или сами *намеренно* организовывали (провоцировали) его взаимодействие с другими объектами и получали бесконечное множество подробностей. Подробности тщательно разглядывали, осязали, обоняли, прослушивали и обзывали каждый оттенок полученных ощущений своим понятием или группой понятий.

Затем, с помощью уже абстрактного мышления, вводились *дополнительные* понятия, содержащие нечто неощущаемое (отсутствующее в органах чувств), но необходимое для связи при построении окончательного *удобного* описания объекта или его *понятийной модели*, которая и оставалась в головах или записывалась как содержание сознания.

Бывало что-то и пропускалось и приходилось снова возвращаться (и даже через столетия) и снова переосмысливать и переобзывать неудачно названное ранее.

Так, что любое понятие – это непонятно *что*, но используемое сознанием как некий кирпичик для построения высказываний, теорий для *удобного* описания, запоминания и передачи смысла.

Именно поэтому понятия получаются не столько предметными, сколько свойство-функциональными, т.е. абстрактными, не имеющие аналогов в мире объективных вещей. Как, например, вышерассмотренные стол, стул и скамеечка.

Итак, понятие – суть модель. А модель может быть *только* более грубой, менее грубой, намеренно виртуальной или банально ложной.

Теперь пробегите глазами последнее предложение. Ничего подозрительного или примечательного? Тогда снова. Снова ничего?

А ведь именно здесь кроется главное откровение всего нашего опыта мышления, на котором не только наше обыденное сознание, но и сознание большинства философских школ не заостряет внимания. И кроется оно в понятии «противоречивая модель». И не с точки зрения некоего «единства и борьбы противоположностей», а натурально – с общежитейской.

Противоречивая модель – т.е. *противоречащая реальности,* – значит попросту*, неправильная, неверная.*

А неверная – это как если предположить, что в вашем кармане прямо сейчас нарисовался банковский чек на миллион евро.

Возможно, кому-то, вот так с размаху, мысль о «возможности-быть-неверным» покажется банальной. Но это главная мысль, с которой должно начинаться и которой должно заканчиваться каждое обсуждение (в том числе и наше с вами), каждый анализ, каждый спор.

А то, насколько это недопонимается сегодня можно наблюдать в любом конфликте – и в трамвае, и в пивном баре, и в сенате, и на научном симпозиуме.

Другими словами, важно все время помнить, что любой результат мышления (моделирования) – есть только *одна из возможных моделей (версий)* нами осмысляемого. Да и та, – однозначно неполная, а часто и неверная.

Предположить и даже ясно представить себе мы можем все! И бабу Ягу, и Кота в сапогах, и Мальчика-с-пальчика, или даже нечто «всё-всё могущее». Более того, можем даже очевидцев найти, которые публично присягнут (если их доктора отпустят), что всё это лично и неоднократно наблюдали.

Что это может означать? Тут выводы могут быть самые разные. Но самый важный для нас, т.е. самый мудрый – это то, что предполагаем мы часто одно, а на практике имеем совершенно другое.

И это не страшно, что такое возможно. Более того, именно так чаще и бывает. В конце концов, на то и опыт, чтобы проверить, насколько наша модель близка к истине.

Страшно другое – когда, не понимая или не желая понимать, что в голове у нас существует только *одна из возможных* моделей (версий) реальности, каждый отстаивает свою как *единственно верную* вплоть до мордобоя, поножовщины, а то и ядерного конфликта.

Теория

Конечная цель и желаемый *результат* понятийного моделирования – есть возможность предсказания результата взаимодействий изучаемых объектов. Модель же, позволяющая предсказывать – и есть теория. Собственно, вся вышеупомянутая «удобность» понятий и определяется удобством описания взаимосвязей всякого понятия с другими, используемыми в объединяющей их понятийной системе – теории.

Мутно? Согласен. Но в словарях не проще. Потому рассмотрим понятие «*теория*» подробнее и в связи с самим процессом.

Некоторых это слово так настораживает, что они готовы пропустить текст, лишь бы не увидеть чего-нибудь недопустимо умного и не дай бог не перенапрячься. Поэтому сразу возьмём быка за рога и спросим себя, – а кому и на кой нужна теория? Может можно и без теории? Просто. По жизни.

Так вот оказывается, нет. Никому, нигде и никогда *нет*. И даже животным. Пока нет теории, позволяющей хоть как-то судить о *последствиях* тех или иных поступков, невозможна никакая целесообразная (читай – разумная) деятельность.

Можно, конечно, наступить на грабли один раз. Ну, два… Ну, уговорили, – три раза. Но ведь придётся же когда-нибудь и вывод делать. И вывод не только о граблях, а *обобщать* этот вывод и на другой инвентарь.

И иначе нельзя. Те, у кого не получилось, думается, просто вымерли вследствие хронической травмы черепа. Или не дали потомства, поскольку рукоятки у остального инвентаря обычно короче грабельных.

В этом смысле любое обобщение понятий, обеспечивающее *мысленное* предвидение возможных последствий – и есть теория.

А хорошая теория – это не просто. Но если надо – сделаешь. Особенно, – если ещё и кушать хочется. А когда хочется и одновременно надо, то как-то очень быстро *осознаёшь*, что за яблоками бесполезно лезть на ёлку.

Именно из таких вот наблюдений и брали начало первые теории. И уже потом, повседневно сталкиваясь с ветром, холодом, огнём, зверьём, сыростью, с неотвратимостью радикулита, ревматизма и инфаркта, человек по неволе начинал обобщать накопленное в свободное от промысла время, чтобы не «наступать на грабли» снова и снова.

Так, что пока нет теории, позволяющей предвидеть, предсказать то, что может произойти, невозможно даже наметить *целесообразного* поступка, а уж тем более его провести.

Отсюда главными функциями любой теории (как систематизированной понятийной модели происходящего) можно считать:

– возможность предсказывать результаты взаимодействий в зависимости от свойств объектов и действий над ними,

– рассчитать, определить нужный набор свойств объектов и последовательность действий с ними, необходимых для получения желаемого результата.

Предвидеть, чтобы, рассчитать, спланировать, реализовать и всё желательно без ошибок. Согласитесь – это круто. И, естественно, встаёт вопрос, а нельзя ли круче крутого, т.е. построить теорию, которая может предсказать всё-всё?

Такое пока неизвестно. Но известна притча (в том числе и науке) о «печально известном третьем варианте».

В нашем научно-религиозном повествовании она звучала бы примерно так.

Случились как-то на околице подгулявшие миряне и видят – на берегу местный жрец рыбу ловит. Дело происходило у водоёма древнего, но уже и тогда служителей культа не жаловали – уж больно ловки были на подножке прокатиться. Потому один из народа и предложил, что он пойдёт и спросит – как, мол, ловится? Если ловится хорошо, останется сказать, что дуракам всегда везёт, если не ловится – так дуракам и боги не в помощь. Ну, не выкрутиться попу из дураков!!

Пошёл. Возвращается. С лицом потухшим опущенным. Сотоварищи интересуются. Отвечает: «Я ему по-человечески – ловится, мол, или нет. А он мне, как зверь какой, – а, вали, – говорит, – ты на хрен!».

Грубый был поп, согласен, но возможно именно с тех пор при рассмотрении всяких двух вариантов народ предполагал возможность существования к ним варианта и третьего. Но вот когда и откуда возникает возможность его появления, как предвидеть этот «печально известный третий вариант», имея на руках лишь два «очевидных»? Каков механизм, какова методика подобного предвидения?

Попробуйте сами ответить на этот вопрос и поймёте – почему с таким трудом строится и уточняется всякая теория. Строится десятилетиями, а то и веками, являясь не перечнем закостенелых истин в последней инстанции, а постоянно уточняемой системой смелых и ярких предположений, справедливость которых скрупулёзно отбирается практикой.

А выше всего в теории ценится её общность и простота, необходимая для понимания, использования и передачи потомкам, дабы полностью исключить или хотя бы максимально уменьшить число ошибочных поступков и нежелательных результатов. Именно поэтому за хорошую теорию сколько не плати – все равно не переплатишь.

И каждый из нас формирует собственную теорию, по которой собственно и живёт, которую оттачивает, отстаивает и пропагандирует. А уж из «личной» любая теория превращается в «общепринятую» или в «научную» только после обнародования, критики и окончательного признания.

И ещё. Когда мы говорим одновременно об удобстве, точности и простоте теории, то мы должны отдавать себе отчёт, что теория строится (должна строится) не для того чтобы просто описать наблюдаемые явления, а прежде всего, чтобы получить, уточнить или усилить какое-то наше умение. Это очень важно, поскольку Умение – это наша конечная цель. Иначе говоря, конечная цель познания есть умение что-то делать, что-то изменять.

Ну, а строится и уточняется любая теория у всех одинаково в голове по одним и тем же законам мышления и являет собой совокупность ярких образов и правил, которых нам должно придерживаться, дабы предвидеть и не бояться ни каких граблей.

Аксиома и гипотеза

Этих слов тоже бояться не следует и тем более думать, что они здесь непотребно математические. Прожиточный минимум математической строгости нам будет необходим, иначе рано или поздно мы, как последние диаматы (диаматисты, диаматчики) договоримся до чего угодно.

Началом, основанием всякой серьёзной теории, как известно, является аксиома, либо гипотеза.

Аксиома в переводе с древнегреческого означает утверждение, принимаемое (на *веру*!) без доказательства *в силу прямой убедительности.* Аксиома, в свою очередь, является основой для доказательств других положений (теорем) *любой* теории.

Естественно, аксиомы не являются продуктом «свободного» творения или некими условными соглашениями. Типа: «Давайте положим…». Нет, аксиомы – это утверждения, подтверждаемые фактически, интуитивно-наглядно. Аксиома предполагает существование явной (очевидной) *методики*, следование которой приводит к опытному подтверждению описываемых в аксиоме фактов. И методики – пусть даже умозрительной.

Например, аксиома о параллельных прямых гласит: – «На плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести только *одну* прямую, параллельную данной».

Не верите? Возьмите линейку и проведите *данную* прямую. Обозначьте точку вне данной прямой и попробуйте провести через неё две разные (*не совпадающие*) прямые параллельно данной.

Знаю, не получится, поскольку формируются аксиомы из взаимосвязей и для описания взаимосвязей между *исходными*, интуитивно определяемыми понятиями, порождёнными *фактами*.

И здесь главным требованием, которого нам придётся придерживаться, – это непротиворечивость принятых аксиом. Непротиворечивость исключает возможность одновременного доказательства, как предположения, так и его логической противоположности. В этом случае мы имеем за истину либо что-то одно, либо его отрицание. В противном случае возможна беспардонная картина как в диалектическом материализме, где, используя одну и ту же систему понятий и просто переставляя слова «теории», можно одинаково легко доказать, что кибернетика есть продажная девка империализма и – очень полезная обществу наука об управлении.

Далее, работая с аксиомами, мы:

1) не будем назначать логические правила вывода следствий из наших аксиом,

2) будем полагать, что существуют такие предположения, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в нашей аксиоматической системе.

Первый пункт допускает безграничное использование «интуиции», ну, а второй позволяет добавлять в существующую теорию любую новую сущность и даже аксиому.

Вот, пожалуй, об аксиомах и все.

Да, ещё следует сказать, что мы ничего здесь не выдумываем. Подобные аксиоматические системы известны давно и называются неформальными, интуитивно-содержательными и дедуктивно неполными.

И ещё, пожалуй, что к таким аксиоматическим системам относятся подавляющее большинство из известных.

Теперь о гипотезах. В построении теорий они играют не менее важную роль, если не б*о*льшую. Но в отличие от аксиом не требуют своего «очевидно-наглядного» подтверждения. Гипотеза – это предположение (также на веру) об *ограничении* возможность проявления тех или иных свойств объектов, или наоборот – предположение, из которого следует обязательность их проявления. Если это предположение подтверждается экспериментом, т.е. оговариваемые свойства проявляются (или нет) в соответствие с гипотезой, то говорят об истинности, справедливости, достоверности, правдивости, аутентичности, валидности, адекватности, плодотворности рассматриваемой гипотезы. И наоборот.

Например, теория большого взрыва. В основании этой теории, как известно, лежит предположение (гипотеза), что *вначале* наблюдаемая нами метагалактика была сосредоточена в единственной точке в виде вещества с бесконечной плотностью и такой же температурой. Затем в этой точке всё нагрелось, рвануло и начало разлетаться, охлаждаясь. Физики-астрономы чего-то там померяли (необходимое и им достаточное) и (как они говорят) убедились в том, что таки-да, галактики разлетаются, следовательно, – имели общую точку, что предполагает допустимость исходного предположения.

Католическая церковь также признала Большой Взрыв, но дополнила теорию, объяснив причину взрыва волей господа.

Кстати, если вы атеист, то попробуйте отобрать у Бога «первопричинность» этого явления. Не получится. Почему? Ниже мы попробуем разобраться с этим примечательным феноменом.

А пока, в нашем (научно-религиозном) случае, мы видим в библии прежде всего гипотетические и интуитивно определяемые: Ничто, Нечто, Хаос, Слово, Порядок, Небо, Твердь, Человек, Зверь, Видеть, Жить, Умирать, Счастье, Страдание и т.д… Т.е. исходные понятия, где они связываются и раскладываются по своим логическим полкам с помощью предположений о существовании всемогущей верховной сущности, которая, опираясь на силу своего всемогущества, создаёт, уничтожает, дарует, поддерживает, одобряет, карает, – т.е. управляет всем этим разнообразием неисповедимым для смертных образом.

Но эти же исходные понятия могут приобрести и иное звучание, будучи объединёнными в другой гипотетической системе, например, в дзеновском слиянии с божественным Абсолютом или кармическом переселении душ, отрицающих существование персонализированного божества.

Подробности всего этого мы естественно обсуждать здесь не сможем по чисто техническим соображениям, да и здесь мы только о понятиях, а не их содержании.

Подход

Только не надо думать, что вот так вот, наполнив доступным смыслом интуитивно определяемые исходные понятия, мы сразу все определим. Понятие – суть молекула, а иногда просто атом.

Это напоминает реальный мир, где нечто, состоящее из определённых атомов, принято благостно вкушать, а о многом другом, состоящем из тех же самых атомов, упоминать не принято. Тем более за обедом.

Так что само по себе понятие, вырванное из контекста определённой смысловой ванны, *общей смысловой установки*, может иметь значение плоть до противоположного. Например, понятие Материи у Гегеля и у Маркса.

Поэтому всякое понятие без контекстно-интуитивной связи с другими понятиями в рамках определённого *подхода* – это ещё и не понятие.

Надо сказать, что понятие *подход* – неоднозначно-склизкое. Думается, оно ближе всего к сочетанию – *принцип, метод, контекст, стиль, смысловая установка.*

Например, «заплести косу» и «заточить косу». Очевидно, здесь контекст глаголов *заплести* и *наточить* однозначно определяет, что следует понимать под *косой.*

Расширим. «Заплести косу, зубы, извилины», «заточить косу, зуб, извилины». Здесь мы видим – как меняется теперь уже контекстная содержательность таких понятий как *заплести, наточить,* так и слов *коса, зуб, извилина* в зависимости от принятого эмоционально-логического восприятия этих сочетаний в практике русского языка.

Подход, как и теория представляет собой некий смысловой ограничитель или набор всего *интуитивного*, способствующего ограничению и уточнению смысловой содержательности используемых внутри него понятий, и даже ограничению интонационной наполненности и стилистических приёмов изложения. Понятия в разных подходах приобретают как бы по-своему ограниченный смысл, свой логический оттенок.

Из общепринятых подходов практика позволяет выделить, например, – софистический, схоластический, логический, диалектический, структурный.

На самом деле их много больше. Можно говорить даже о подходе индивидуальном, личностном. Ведь и Маркс, Гегель и другие авторы до них и после них использовали одни и те же понятия как ноты в музыке. Но, согласитесь, что и смысловые ограничения, и эмоциональные у каждого автора были своими и существенно различались.

Но оставим тему индивидуальности литературо…, философо… и другим «…ведам», поскольку «свои личные» ограничения смысла – возможны в определённых пределах, да и то в рамках подхода, которого придерживается каждый автор, дабы исключить необходимость предварительного уточнения всего объёма используемых им понятий.

А остановимся мы на тех основных, которые чаще используются для изложения по интересующей нас тематике.

Ознакомление с первыми тремя подходами из вышеназванных мы оформим как домашнее задание, а на двух последних остановимся ниже чуть поподробнее.

В наших поисках собственного пути и места нам предстоит явно (да и не явно) опираться главным образом на так называемый структурный (системный) подход понятийного моделирования мира. Почему?

Конструктивность, конструктивность и ещё раз конструктивность – вот что нам потребуется, чтобы строить. Строить наши будущие научно-религиозные убеждения. А сегодня, только структурный подход гарантирует требуемый уровень конструктивности.

Употреблять же термины «диалектического» подхода, который до сих пор часто используется в качестве контекстной основы рассуждений по нашей теме, мы не будем. Почему?

Отвечу пока коротко – *потому*. Мы ещё не готовы к проведению сравнительного анализа. Для этого нам предстоит познакомиться с необходимой аксиоматикой.

А пока ограничимся просто *определённой предвзятостью* к «законам» диалектического материализма. И сделаем это хотя бы потому, что достаточно открыть *любую* действительно научную статью, чтобы убедится в полном отсутствии в ней диаматных терминов. Ни в одной естественной науке эти термины не работают. А кому нужны эти термины и их использующая теория – это вопрос, на который ниже мы попытаемся ответить также.

Отметим, что есть и другие системно-смысловые ограничители значения понятий и систем из них. Например, *школа, течение, направление, ход* и тому подобное. Но, поскольку мы пока не привносим в них никакого добавочного смысла, нового звучания, то будем пользоваться общепринятой смысловой наполненностью этих терминов.

Парадигма

Или ещё об ограничителях смысла. Парадигма в переводе с древне греческого означает – пример, образец. Это конечная дефиниция с середины 60-х годов прошлого столетия стараниями физика Томаса Куна была переведена в разряд понятий «более интуитивных», естественно, с более общим, но в целом – с тем же обобщающим смыслом.

В своей книге «Структура научных революций», посвящённой анализу развития и истории науки Кун представляет понятие научной парадигмы как системы *явных* и *неявных* образных и логических правил, алгоритмов, общезначимых принципов определяющих и ограничивающих смысл используемых наукой понятий. Другими словами, парадигма выступает как ещё один «ограничитель смысла», равный понятию подход.

Понятие парадигмы оказалось удобным и с лёгкой руки Куна его начали использовать в качестве примера «ограничителя» уже не только в научной деятельности.

Чем привлекает это понятие? Что оно позволяет оттенить?

Всем известно участие подсознания в формировании стереотипов индивидуального поведения, автоматизирующих реализацию поведенческих установок и профессиональных навыков. Это бесконечно удобно и потому не только не вызывает отторжения, а наоборот – мотивирует приобретение и доведение до рефлексов новых навыков, приумножающих возможности.

В случае сообщества, личные автоматизмы совершенствуются, дополняются, корректируются, доводятся обществом до состояния рекомендуемых, а затем и общепринятых. При этом, шлифовке и номинализации подвергаются не отдельные элементы «знания», но и вся его структура и приёмы работы с ним. После подобной обработки, структурно оформленное знание уже не нуждается в дополнительных изменениях, поскольку предполагается, что при становлении парадигмы уже:

– найдены оптимальные из всех возможных интерпретаций,
– обеспечена максимальная точность моделируемых процессов,
– обеспечено максимальное удобство для использования и обучения.

Другими словами, в процессе становления парадигмы осуществляется не только систематизация знания, но и формирование рекомендаций и методик по его освоению, упрощающих и ускоряющих процесс приобщения.

Формируются как бы установочные «императивы по умолчанию» типа: – «здесь следует думать и делать *так*, только *так* и желательно не иначе».

Установки по умолчанию, особенно в условиях отсутствия собственных ориентиров, позволяют быстрее и полнее осваивать новые знания и умения.

Наиболее доступным примером парадигм можно считать совокупности религиозных и светских традиций, всевозможные уставы, моду. Моду на одежду, мимику, жесты, интонацию, манеры, на умных или чужих жён, на использование различных обрядов, моду на мораль и верования.

При этом, в каждой группе по-разному – у кого как принято. А, если что не так, то вам укажут. Если же совсем не так, то могут и по голове дать, за недопустимое поведение в общественных местах. Ну, не принято у них ***так***, и всё тут.

И в каждом «монастыре» свой «устав», а различия могут быть вплоть до противоположных. Например, если про моду до конца, то у одних народов л***и***ца раскрашивают в основном женщины, у других – мужчины, у третьих – и те и другие.

Таким образом, парадигма наполняет и одновременно ограничивает содержательность понятий. Ведь одно дело смотреть на звёздное небо и совершенствовать астрономию исходя из парадигмы, что Земля – есть центр Мироздания. И совершенно другое – если делать тоже самое с позиций уже гелиоцентризма, а затем и вообще – с позиций большого взрыва и летящих в чёрную дыру галактик.

Отсюда следует, что сменить, сдвинуть парадигму значит заменить наработанные автоматизмы и приобретённые рефлексы на новые.

Каждый знает – это нелегко, поскольку апологетам приходится сначала преодолевать «старое» и только потом *переучиваться.* И всё в условиях – когда делать это никто не рвётся. Тем более, – обгоняя всех.

Для нового же поколения смена парадигмы проходит, менее болезненно, поскольку ему не приходится рвать со старым, но на его плечи ложатся задачи реконструкции знания, задачи выработки новых форматов и норм новой парадигмы.

Именно в силу вышеупомянутых сложностей, смена парадигм и связанных с ними теорий происходит не столько в силу получения неких новых ярких фактов, новых представлений, сколько вследствие накопления уже неприемлемого объёма противоречий. Или новых запросов теории и практики по повышению точности прогнозирования и упрощению обучения.

Другими словами, смена парадигмы происходит больше под давлением необходимости и потребностей, чем молодецкого задора и энтузиазма любознательности.

Становление парадигмы происходит иногда быстро, иногда растягивается во времени на столетия. Например, 6 июня 1761 все астрономы и цивильные граждане наблюдали прохождение Венеры по диску Солнца, т.е. затмение Солнца Венерой. И все могли наблюдать на фоне солнца некий ореол вокруг Венеры, хорошо видимый в начале и в конце затмения. Но на это мало было смотреть. Это надо ещё и увидеть.

А увидел «это» Михайло Васильевич Ломоносов, (единственный из всех смотревших) и сообщил, что Венера обладает собственной атмосферой. Откликнулись сразу, но потребовалось ещё много лет, что бы убедительно проверить. Венера, увы, не так часто застилает нам Солнце.

И именно с тех пор наблюдение затмений сопровождается поиском любых новых эффектов, требующих толкования. Да, и вообще, после таких событий внимательнее наблюдать за происходящим начинают не только учёные.

В тоже время, например, становление парадигмы сферичности Земли проходило медленно и без особого энтузиазма. Как известно, совсем древние греки и люди и на востоке Ойкумены изначально считали землю плоской. Это потом, уже менее древние греки (Пифагор, Аристотель, Птолемей), напряглись интеллектом и показали, что земля имеет форму шара, если исходить из закономерностей движения Луны и формы земной тени на её поверхности.

После этого на территории западной Европы время от времени высказывались как в пользу плоской Земли, так и в пользу сферы. Церковь не настаивала ни на одном из этих вариантов. Не поощряла, но и не препятствовала.

Китай, Индия и Русь долго считали Землю плоской. На Руси своих телескопов не было. Да, и с линией горизонта было туго, поскольку жили более в лесах, вдали от моря, а потому и космологическую грамоту черпали больше из переводов зарубежных авторов.

А переводили, к сожалению, в основном литературу церковную. Так и перевели «заодно» труд монаха Козьмы Индикоплова «Христианская топография».

Сам Козьма в молодости сухопутно челночничал от Византии до Индии, а после написания (с опорой на слухи и мотивы собственных измышлений) сего труда, прибился к одному из монастырей на Синае.

Шарообразность Земли и систему Птолемея с уже готовыми картами (с широтой и долготой) Козьма категорически отвергал, Землю рассматривал как параллелепипед, вытянутый с востока на запад с соотношением сторон 2:1. Так что на Руси большинство считало, что Земля имеет форму сундука с ископаемыми аж до середины XVI века.

Следует отметить, что сие было собственно не принципиально, поскольку ни одно из представлений не давало преимуществ в точности измерений земной поверхности, не упрощала представлений и обучения. А в картах мира в то время нуждались (да и то – слабо) лишь предельно азартные купцы и завоеватели, хотя даже этим хватало в принципе и плоского представления.

И хотя плоское представление было даже сложнее, поскольку требовало благоустройства небесной комары в виде подпорок из слонов, черепах или атлантов, но легко объясняло плавность растекания вод по плоской поверхности. Что в случае сферы было затруднительно.

Так что по настоящему о сферической географии, да ещё с доступом к её достижениям более широкого круга людей, можно говорить лишь с XIII века, да и то не везде. Мусульмане заботливо сохранили наследие Птолемея и глобус у них появился где-то к 1240 году (естественно, как всё первое – в округе Пекина, ведь известно как много изобрели китайцы, правда, ещё до нашей эры).

В Европе глобус появился где-то к 1500 г. В России глобус впервые появился в районе 1650 г. при дворе «тишайшего» царя Михаила Алексеевича Романова в виде посольского подарка, который и унаследовал его сын Пётр.

Как мы видим – длинная история. Но поучительная. Изобрести новое можно в любое удобное для раздумий время. Даже во времена древних греков. А вот для формирования парадигмы, как системы взглядов и школ, кроме новых представлений, новых моделей и остального нового, требуется необходимость или хотя бы интерес большинства к этому новому.

И что ещё очень важно. После смены парадигм мир не становится другим. Меняется лишь акценты и углы зрения на то же самое, что наблюдали и раньше. Меняется лишь общая модель причин и следствий происходящего.

Бритва Оккама

Остановимся ещё на одном «ограничителе». Он того стоит. Этот ограничитель занимает особое место в понятийном творчестве при создании и совершенствовании понятийных моделей. Он даже персонифицирован, поскольку связан с конкретной личностью – системным гением Вильямом Оккамом. Монахом францисканцем, прожившем 64 года с прозвищем «непобедимый учитель» и умершем в середине XIV века. Ещё в те времена он утверждал, что с помощью мышления невозможно ни доказать, ни опровергнуть существование Бога. И всякая Вера тем сильней, чем сильней опытная недоказуемость её догматов. Признавая теологию, тем не менее, утверждал, что философия и наука должны развиваться в свободе от религии.

Естественно, был обвинён в ереси. Из мест заключения бежал. Много работал над методологией познания. Для борьбы с понятийными нагромождениями сформулировал несколько радикальных принципов, например, для теорий – «из двух равных теорий предпочтительнее та, что проще с объяснительной точки зрения». И для понятий – «сущности не следует умножать без необходимости». Последний принцип и получил название «бритва Оккама» и заключается в том, что все понятия, не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся проверке в опыте, должны быть удалены из рассуждений.

Как работает его бритва?

Известно, что изменение всякой теории (модели) происходит тогда, когда она оказывается не в состоянии объяснять или прогнозировать появление нечто «нового», фиксируемого практикой. В этом случае старая модель либо уточняется, либо хоронится и создаётся новая, объясняющая уже все факты. И новые, и старые.

Тогда, если:

– есть хоть малейшая возможность объяснить вновь *открывшиеся* факты в старых сущностях,

– есть хоть малейшее сомнение в том, что только *вновь вводимая* сущность объяснит и свяжет всё в единое целое,

то с этой новой сущностью необходимо тут же расстаться, как бы это ни было досадно для автора.

Об этой «бритве» советуется вспоминать ниспровергателям теорий всех рангов и почаще делать обрезание всего вводимого ими лишнего. Ибо, как показывает весь накопленный опыт науки, – всякое необрезанное порождает лишь хаос и не даёт ответов.

Достаточное об истине

В соответствии с доктринами номинализма, в природе всякое реальное событие – истинно. Тогда, если истина есть то, что есть на самом деле (есть в природе), то истина *в голове* – есть лишь *модель* того, что на самом деле происходит. Но, не просто модель, а модель адекватная, выводы из которой подтверждаются опытом, т.е. то, что мы называем «правильная модель».

Но всякая модель, и даже правильная, есть всё-таки модель и отсюда, с одной стороны, – сколько в обществе голов, столько возможно и истин (как мы это видели в случае определения человеческого счастья). С другой стороны, – один камень *всегда* легче двух таких же, два плюс два – четыре. Ну, а в чьей голове это не так, тот неправ, т.е. истиной не владеет.

Об истине написано много, в том числе и противоречивых слов, потому, на мой взгляд, лучше их не произносить, а попытаться разобраться самостоятельно. Ну, хотя бы в проблеме – что же мы реально можем в направлении установления истины.

В интернете можно нагуглить множество как философских, так и цивильных высказываний по теме «истина» на все случаи жизни, но вот одно мне понравилось. Авторство трудно установить точно, поскольку в интернете все друг у друга списывают без ссылок, но цитирую дословно и кто хочет – может уточнить.

> «Истина едина, но в ней выделяются объективный, абсолютный и относительный аспекты, которые можно рассматривать и как относительно самостоятельные истины».

В качестве «абсолютного аспекта» обычно предлагается утверждение типа: – «Гениальный поэт Пушкин родился в 1799 г.».

А вот всё ли в этом утверждении истинно? Ведь можно прислушаться и к другим мнениям. Например, что рождение и воспитание Александра Сергеевича в России суть фикция, т.е. подстроено, метрическая запись подделана и что сей гений был подсунут *ИМИ* оттуда, где таких выращивают в автоклавах, затем внедряют в местное население и в нужном возрасте инициируют до гениальности.

Или прислушаться к не менее муссируемому мнению что Пушкин – является результатом искусственного оплодотворения *ИМИ* (возможно под наркозом и без греха) местных женских особей из пробирок, рассортированных по степени и профилю гениальности, в которой может нуждаться курируемый *ИМИ* мир.

И попробуйте (для приобретения собственной практики установления истины) доказать, что это не так, а как-то иначе.

В качестве абсолютного аспекта можно также рассмотреть такой «абсолютный» факт как: – «Два плюс два равно четыре». Но, и тут подвох. Например, если начать складывать два облака с ещё двумя, то в этом случае, как известно, вместо четырёх облаков можно получить одно большое или, например, семь помельче. Другими словами, – истина истине и не друг, и не враг, а так. И всё зависит от правил и способов сложения и от физических свойств «складываемых» объектов.

Поэтому предлагаю остановиться на том, что «истина едина», ну, а «аспекты, которые можно рассматривать», мы рассматривать не станем.

И это будет правильно, если нас будут интересовать не нюансы классификаций «истин», а наши возможности в определении любой из их «форм».

Истина в высказывании фиксируется как результат сравнения. Об истине или ложности как предикате мы говорим тогда, когда описываемые теорией (или высказыванием) свойства реальных объектов соответствуют или не соответствуют прогнозируемым. В этом случае для устранения противоречий в теории (или высказывании) обычно:

– исключают объект из рассмотрения, объявив его не истинным или даже ложным, и (по мере необходимости) вводят объект новый, с нужными свойствами, порождающими теперь уже непротиворечивые связи и результаты взаимодействий данного объекта с другими;

– не исключают объект из рассмотрения, но корректируют приписываемые объекту свойства так, чтобы последние не противоречили практике его взаимодействий с другими объектами;

– или, как во всяком «печально известном третьем варианте» – сетуют типа: как всё запущено и предлагают (навязывают) новую теорию, возможно также неверную.

И это **всё**.

То есть, всё, что мы в отношении установления истины можем.

Чтобы понять – почему так мало, следует вспомнить, что любое понятие, обозначающее объект (реальный или виртуальный) определяется совокупностью *приписываемых* этому объекту свойств.

Свойства же (в голове) – суть также понятия, обозначающие (описывающие) стабильный, *повторяющийся результат* взаимодействия рассматриваемого объекта с другими объектами. Отсюда, *приписываемые* сознанием свойства всегда оказываются зависимыми:

– от реальных результатов взаимодействия объектов между собой и с нашими органами чувств;

– от произвола исследователя, расставляющего приоритеты и оценивающего «удобство» использования понятий со своего уровня предвзятости и, к сожалению, часто ошибающегося, – хотя бы как в известной истории с описанием свойств слона двумя слепыми, один из которых ощупывал его со стороны хобота, а другой со стороны хвоста.

Для примера создадим сами какую-нибудь маленькую теорию, для которой синтезируем редкий объект с правдоподобными и непротиворечивыми свойствами.

Правдоподобными свойствами мы будем называть те из приписываемых, которые фиксируются у других объектов и не вызывают сомнений в их существовании.

И так, пусть описываемый нами объект обладает редкой способностью ни много ни мало – высасывать положительные эмоции из *носителей положительных эмоций* (**НПЭ**).

В плане правдоподобности можно отметить, что свойством «высасывать» обладает каждый из нас. Мы постоянно что-то «высасываем», потребляем и перерабатываем в энергию, необходимую для существования. Вопрос об утилизации отходов опустим как не принципиальный.

Объекты с подобными свойствами можно определённо отнести к «энергетическим вампирам» (**ЭВ**). Но, согласитесь, что высасывать что-то из живых людей – образ жутковатый, потому чуть подкрасим его, добавив объекту немного свойств нейтральных.

Тогда, пусть:

– **ЭВ** действуют не по злоб***е***, а в силу врождённой неспособности получении эмоциональной энергии, необходимой для естественного существования и нейтрализации «плохих» воздействий на окружающих.

– **ЭВ** может «высасывать» только с позволения **НПЭ** и забирает необходимое для себя и оставлять достаточное для стимуляции **НПЭ** к наработке новых запасов, в какой-то мере для **НПЭ** избыточных.

Другими словами, нормальный симбиоз – один нарабатывает избыток, другой его потребляет. В конечном итоге всё уравновешивается и нейтрализуется. Ну, разве что оба остаются почти без положительных эмоций и стареют несколько быстрее, поскольку всякое дополнительное действие, как известно, требует дополнительной энергии, да и с возрастом запросы обычно растут, а возможности уменьшаются. Но, похоже, и здесь что-то и как-то можно подрегулировать.

Теперь чуть теории, позволяющей, как известно, предсказывать. Тогда, возможность существования объекта типа **ЭВ** позволяет смело предположить, что если вы бодры, веселы, жизнерадостны, беспечны и уверены в своём безоблачном завтра, то вы с **ЭВ** ещё не встречались. В противном случае вам не повезло, и вы таки нашли друг друга.

А теперь сравните с утверждением, что если вы бодры, веселы, жизнерадостны, беспечны и уверены в своём безоблачном завтра, значит – вам помогает всевышний. В противном случае – вы его прогневили.

Или с утверждением, что если вы бодры, веселы, жизнерадостны, беспечны и уверены в своём безоблачном завтра, то вы движетесь к нирване, творя исключительно «праведную» карму.

Домашнее задание: – какая из моделей происходящего ближе к истине?

Конечно, в любой момент вы можете сослаться на «печально известный третий вариант» для каждого из рассмотренных случаев: а именно, что ни энергетических вампиров, ни всевышних, ни нирван, ни карм не бывает, но попробуйте это доказать. Наше мышление так устроено, что после того как правдоподобный образ некой сущности с непротиворечивыми свойствами был сформирован и тем более был кем-то уверован, то доказать «отсутствие прав на существование» у этой сущности невозможно.

Сомневаетесь? Тогда попробуйте самостоятельно доказать невозможность, неистинность, ложность (и т.п.) существования любого сказочного персонажа. Того же Кота-в-сапогах, бабы-Яги, Мальчика-с-пальчика. Или какого Бога. Ну, хотя бы Тора сына Одина.

Попробовали? И как? То-то и оно. Более того, большинство уверено, что всё это – есть сказки и никто никогда не увидит сих героев даже смутно в тумане, но, увы, эту уверенность нельзя считать *доказательством принципиальной невозможности* существования подобных персонажей.

Это мы рассуждали в отношении объектов со свойствами *правдоподобными и непротиворечивыми.* В случае же свойств противоречивых, по идее, всё должно быть не так безнадёжно для критики и установления истины.

Пример объектов с противоречивыми свойствами можно заимствовать из истории науки. В подобных случаях обычно вспоминают флогистон, теплород, мировой эфир, вакуум и многие другие понятиями, введённые наукой для своих нужд и ею же похороненные.

Но оказывается и здесь всё не так оптимистично и однозначно для уничтожающей критики, как это может показаться вначале.

Например, флогистон. Он был введён Г. Шталем в самом начале XVIII века (в 1703 г.). Гипотеза о флогистоне как некой невесомой *горючей* части любого вещества была первой обобщающей гипотезой в теории химии, которая способствовала рождению множества других нужных понятий и позволила серьёзно приподнять статус химии как науки.

Предполагалось, что при горении любого вещества из него выделяется флогистон и улетучивается. Дерево воспринималось как смесь флогистона и золы, получаемой после сжигания, а металлы – как смесь флогистона и веществ, называемых в то время окалинами.

Флогистон прослужил разным учёным 100 ± 30 лет и вначале имел нулевую массу. Затем, по ходу исследований, это свойство не раз корректировали, объявляя массу даже отрицательной, дабы объяснить приращение веса окалин при окислении металлов. Заметьте, не отказывались от понятия, а просто корректировали свойства связанного с ним объекта. Ведь как-то нужно было объяснять выделение тепла при горении.

Со временем, методики экспериментов совершенствовались, точность повышалась, сомнения накапливались, а выводы конфликтовали. Так при горении (окислении) зола *постоянно* оказывалась легче первоначального куска дерева, а окалины наоборот – *постоянно* тяжелее первоначального куска металла.

И, наконец, к концу XVIII века именно ***это*** противоречие разрешил Антуан Лавуазье, последним (третьим) открывший кислород и связавший, как увеличение, так и потерю массы продуктов горения (окисления) *только* со свойствами кислорода, устранив тем самым необходимость использования флогистона для объяснения массовых (весовых) превращений в окислительно-восстановительных процессах.

Огонь же, теплоту Лавуазье отнёс к разряду невесомых жидкостей (fluida), по аналогии с флюидами света, магнетизма, электрических явлений и убитого им флогистона. Новый флюид был назван теплородом и назначен ответственным за передачу тепла газам и телам.

Для реализации этих функций теплород был снабжён свойством сверхупругости и способностью проникать в мельчайшие поры тел, что всегда и ведёт к наблюдаемому расширению

последних. Это внесло несколько б***о***льшую упорядоченность как в общую картину строения веществ, так и в расчёты химических превращений.

Но, с теплородом как-то сразу не заладилось и уже в начале XIX века было установлено, что нагревание может быть осуществлено не только передачей тепла, но и за счёт механического трения холодных тел в изолированном пространстве. Притом, тепла сколь угодно много. А это уже не укладывалось в теорию теплорода, предполагающей его количество в мире постоянным, а само тепло – просто перетекающим из более тёплого тела в холодное.

Надо сказать, что в науке нет мелочей и сама она не мелочится. Так, например, для выяснения возможности преобразования большой механической работы в большое тепло использовалось усилие двух лошадей, вращающих затупленное сверло для сверления пушек. Хотя, вроде бы, достаточно было потереть правую ладошку о левую, или, на худой конец, обратиться к богатой в прошлом практике добывания огня трением сухих палочек.

Таким образом, пример флогистона и теплорода, казалось бы, должен убедительно продемонстрировать, как именно следует избавляться от «плохой» сущности. Как стереть её из памяти, вырвать из сердца, предать забвению, похоронить без почестей, забить кол в могилу и т. д. и т.п..

Но это всё ***кажимость***, – фигура речи. По большому счёту в «захоронении» флогистона участвовала более гордыня, чем научная необходимость. Шутка ли сказать, столетняя сущность. Согласитесь, похоронить такую – это круто.

Действительно, Лавуазье (по воспоминаниям современников не расстававшийся с весами даже в спальне) показал *ненужность* флогистона для объяснения происходящего с ***массами*** *реагентов.* Но флогистон (горючий, воспламеняемый) вводился Г. Шталем изначально для объяснения не столько массовых изменений, сколько температурных. Так что можно сказать, что Лавуазье просто переименовал флогистон в теплород, добавив ему (зачем-то?) несколько сомнительных свойств, ускоривших похороны теплорода, а в целом так и не объясняющих образование тепла при горении. А ведь ему наверняка было известно чем заканчивается интенсивное трение сухих палочек друг о друга.

Палочки. Сверла. Лошади. Это, конечно, весело. Но тепло-то выделяется и без них! Химически. Например, горение термитной смеси. Как-то сам наблюдал в детстве сварку трамвайных рельсов. На повороте, против гастронома. Алюминий плюс ржавчина, – а какой фейерверк!

$2Al + Fe_2O_3 = Al_2O_3 + 2Fe + 848$кДж! + температура в эпицентре аж до 2300°C

Формула, в частности, показывает, что если в деле всего три моля, то полученного тепла достаточно чтобы вскипятить трёх литровый чайник. Так откуда его столько? Тепла-то?

Никто не знает (в смысле – нет работающих моделей). Но обнаружена связь. Оказывается, что в результате химической реакции изменяются расстояния между частицами в молекулах продуктов реакции, против расстояний в молекулах исходных реагентов. При этом, если расстояние увеличивается, то тепло в реакции *поглощается*, если расстояние уменьшается – тепло *выделяется*. Выдавливается, так сказать, из межмолекулярного пространства как из тюбика. Тогда, что же там – в «тюбике»? Флогистон? Теплород?!

Наука думает. А пока, теплород и флогистон безответственно похоронены и гордо покоятся. Тепло же при горении продолжает выделяться (поглощаться) уже без их участия, а ответственный за это явление так и не назначен. А хорошо ли это? Правильно ли? Справедливо? Может всё-таки назначить какой-нить «флогистород», предварительно поработав над его свойствами?

Сегодня, по теме «упокоения понятий» также следует отметить достаточно успешные попытки воскрешения мирового эфира, якобы похороненного опытом Майкельсона-Морли. Того самого эфира, существование которого Никола Тесла отстаивал до конца своих дней.

Здесь хорони, не хорони, но как-то надо сегодня объяснять распространение электромагнитных волн в межпланетном пространстве (вакууме). Ведь *гнать волну*, как известно, можно лишь в *среде,* состоящей из каких-то однообразных частиц, (в воде, в воздухе, в металле, в камне, в дереве). Вакуум же пуст по определению, а в пустоте может распространяться лишь *поток корпускул*. Волну в пустоте не погонишь. Для волны нужна среда, в которой эта волна распространяется.

Так что, если встретитесь с объявлением об открытии любых «новых» (типа гравитационных) волн без упоминания природы и свойств среды, в которой они образуются и распространяются, то знайте, что перед вами просто очередной случай отмывания «грантных денег» или очередной выхлоп очередного ниспровергателя.

Таким образом, оказывается не так-то просто выковырнуть понятие из людской памяти и записей, когда это понятие там уже обосновалось. Тут не поможет даже бритва Оккама, поскольку она, увы, плохо работает в чужих руках. Окончательно и бесповоротно она работает лучше всего в руках создателя понятия, который в случае «бритвы» это понятие просто не озвучивает.

А отсюда следует, что ***проще*** и ***точнее*** – не обвинять понятия в не истинности, а просто создавать новые (правильные, читай – более точные) теории о происходящем уже без использования «плохих», «неверных» понятий.

А на рождение всякого нового понятия возможно следует накладывать самые серьёзные ограничения (вплоть до уголовных) именно потому, что окончательно похоронить понятие можно только вместе с последним его носителем. Но, и после похорон, «Забыть Герострата» получается далеко не в каждом случае.

Таким образом, читатель, ты наблюдаешь попытку (возможно не совсем удачную) показать, что избыточность, ненужность понятия установить много проще, чем его не истинность, ложность. Особенно, если это понятие кому-то импонирует или тем более, если это понятие уже обзавелось легионом нуждающихся в нём для моделирования приятных представлений.

Другими словами, если мы в состоянии обходится без какого-то понятия, то так и следует продолжать это делать до тех, пока обходится можем.

Оккам бесконечно прав. Не умножайте сущностей. Сущности нежелательно живучи.

Вот и всё про истину, пожалуй.

Точнее – ***всё, что мы можем*** в плане установления и оформления истины, чтобы там так много не писали диалектические материалисты.

Немного о культуре

Если кому-то показалось, что выше мы говорили только о науке, то добавим, как бы, и о культуре. В первом приближении.

Как мы знаем, при слове *культура* кто хватается за пистолет, кто за цитаты из классиков, кто обращает взор к полотнам, кто выкрикивает частушки, а кто… что…

Бывает, все это мешают в винегрет и, подозрительно косясь на результат, величают блюдо гармонией.

А истинная гармония встречается, к сожалению, до обидного редко. Любая гармония – это прежде всего предельный комфорт. Если гармония в общении – то лишь необходимое и достаточное для концентрации внимания и точности передачи как логической, так и эмоциональной составляющих смысла. Потому гармония – это трудно и ответственно как любой эталон совершенного.

Культура же определяется не столько объёмом накопленных знаний, сколько развитостью умений и приёмов его использования в становлении и развитии межличностных отношений. Здесь всё – и культура накопления знаний, и культура формирования чувств и эмоций, и культура их проявления.

Поэтому, как это ни банально, но не лишним, думается, будет повторить строки знакомые моему поколению с детства, что никакая гармония (ни изложения, ни восприятия) невозможна без обогащения личного опыта знанием всех интеллектуальных богатств, выработанных человечеством. В том числе и знанием универсальных законов естественных наук.

И самое главное в культуре – неистребимое желание получения знаний и потребность в их систематическом совершенствовании.

В противном случае мы обязательно столкнёмся с невежеством, с серостью. А серость, страшна не незнанием. Нет человека, который знает всё. Невежество, серость – есть амбициозная убеждённость в *непререкаемой* самодостаточности для принятия безапелляционных решений в любой области. Без учёта чьего бы то ни было опыта и мнений.

Невежде чужд синдром Сократа. Невежда знает, – что он знает всё. С трудом усвоенный набор примитивов преподносится окружающим как таинства мировой мудрости. Всё то, что вне его понимания – не имеет права не существование.

С невежеством нет и не может быть диалога. В лучшем случае – монолог вдвоём. Это ладно, – когда он исполнитель. Здесь только трудности человеческого контакта. А когда он на уровне принятия решений? Это уже бедствие.

С феноменом невежества, серости можно столкнуться везде. И в семье, и на работе, и на улице, и в музее, и в литературных редакциях, где «культура», казалось бы, витает повсеместно – абажуром над каждой лампочкой, нимбом над каждой головой.

И здесь даже мой небогатый опыт общения позволяет усмотреть определённую тенденцию – чем дальше от точных наук, тем плотнее вышеназванный феномен.

Хотя я не исключаю, что число «общений» с моей стороны было недостаточным для столь общих выводов. Но опыт есть опыт. И он настораживает.

Дело немного проясняется, когда понимаешь, что во многих видах человеческой деятельности, в том числе и «культурных по определению», напрочь отсутствуют объективные крите-

рии результата. Если в технике машина или формула, то против неё что? Написал, изобрёл, и все её видят. Плохой ты, хороший, любят тебя, не любят – это другой вопрос. А результат – вот он. И любой может проверить и увидеть – кто молодец.

А, если эстетика, бомонд? Тут критерий один – чтоб по вкусу, чтоб понравилось.

А вкус, как известно, параметр шаткий. Здесь главное – угодить. А если точки над всеми «i» расставлять, да глаголом жечь, говорить одну правду, то, когда и кому это нравилось. Даже в технике.

Отсюда и трудности восприятия этой самой правды. Да и способы преодоления этих трудностей.

Ведь, если правда голая, то её легко и в порнографию списать, а поборника, соответственно, в маньяки.

Так и списывали. Основных учителей. А без учителей какая школа?

Я не знаю учёного, который бы чурался художественной литературы и не имел бы по прочитанному собственного мнения. И мнения не на публику, – чтобы выглядеть, а мнения-для-себя, дисциплинирующего страсть и воображение, без которых невозможна ни формула, ни теорема, ни закон. Но я встречал работников «культуры», не прошедших школу жёсткого мышления.

Дело опять же не в незнании. Его всегда можно восполнить. Дело в *воинствующем* самомнении о сверхдостаточности того мизера, что сложился под прической. В отсутствии стремления развивать, напрягаться ещё и ещё. Быть постоянно готовым к диалогу и не утомляться в первые семь минут общения, не всегда достаточных даже для уточнения терминологии. Я уже не говорю о продуктивной дискуссии без переходов к эмоциям и на личности. С брызгами.

Наука такая же мощная опора здания общечеловеческой культуры, как и всё остальное. Думается, что опора даже главная. И пока в понятие общей культуры не будет входить способность необходимо долго поддерживать конструктивный диалог в жёстком временном режиме с учётом *всех* областей знания, нам придётся с сожалением наблюдать как в Петербургской Лавре какой-нибудь «интеллигент», помочившись у мстительно заткнутых в угол надгробий великим Эйлеру и Ломоносову (подарившим ему то, без чего нельзя существовать цивилизованно) с благоговением во взоре спешит с цветочком к камню Гончаровой Натальи.

Так что, если говорить о смысле нашего бытия сегодня (о чём мы собственно уже и говорим), то надо знать и Пушкина, и Толстого, и много больше, чем они, и много больше, чем учёные в их время, а лучше всего – все что знает человечество на текущий день. О чём, к великому сожалению, остаётся пока только мечтать. Хотя возможно – только пока.

И надежды здесь не только на науки естественные.

Конечно, о понятиях можно и нужно говорить много больше. Мы выделили лишь ту мизерную часть, без которой понимание задач и решений этой книги будет крайне затруднительным или просто невозможным.

И, конечно, это наша не последняя понятийная экскурсия, но уже достаточная, чтобы перейти к главам следующим, где и рассмотрим несколько достойных понятий, требующих отдельного обсуждения.

Глава 2. О БИБЛИИ

Так почему именно слово «библия» использовано в заглавии нашей книги? Ведь ещё в школе учили, что наука и религия – суть два антипода. С одной стороны – борьба за реальное, земное, за всё лучшее, что человек может изобрести и построить сам без необоснованных надежд и беспочвенных прогнозов. С другой стороны – опиум народа на этом свете и иллюзорное счастье без труда и забот на том.

Тем не менее, это понятие выбрано не напрасно. И конечно не потому, что оно наполнено божественной содержательностью, освящено божьей благодатью или источает его духовность.

Подход будет утилитарным – как всё от науки. И потому понятие «религия» нам предстоит использовать как нормальное рабочее понятие, – как форму, в которой истина, как её содержание, должна быть *доступна всем*.

Вера

В своё время я с интересом для себя обнаружил, что различие в научном «убеждён» и в религиозном «верую» прослеживается скорее на эмоциональном, но никак не содержательно-логическом уровне. И заключается это отличие, пожалуй, только в степени убеждённости и предрасположенности отстаивать своё убеждение. Когда произносится: «Верую» – ощущается некоторая бесполезность дальнейших дискуссий.

И не потому, что верит человек и все тут. Вера без убеждений не вера. Это конформный фанатизм для плохо тренированных или хорошо промытых мозгов.

Так уж человек устроен. Прежде чем начать действовать он обязательно должен поверить в возможность достижения желаемого результата. Человек не может жить, не веря в собственное будущее. С потерей этой веры, веры в необходимость существования своего завтрашнего «Я», приходит смерть. И как показывают наблюдения над заключёнными в жёстких условиях концлагерей – в течении буквально двух-трёх недель.

Так что без веры никому не обойтись. Выбирать можно только саму веру. Во что, и как верить. И в этом плане, *сознательно* выбранную Веру можно определённо считать критерием развитости мышления и степени его конформности.

Кому-то совершенно достаточно авторитета гуру или живого «бога» Кузи. Кому-то ссылки на догмат очередной «Библии», а кто-то хочет все осмыслить сам, опираясь на возможности собственного интеллекта, бесконечно веруя в успех и окончательную победу собственных начинаний.

А нужно ли «верить» или ненужно – не вопрос. Если вы хотите наполнить жизнь хоть какой-то содержательностью и испытывать уверенность, что вы все делаете *правильно*, то какую-то религию, какие-то принципы-критерии вам придётся исповедовать.

Не может человек без Веры, без цели-символа слияния со вселенским сущим, без осмысленного первоисточника побуждений, без объяснения самому себе смысла собственного существования и желательно счастливого конца.

Другими словами, без мобилизующей веры в победу невозможна никакая мотивация, ни какой энтузиазм. И, если хотите, – одержимость, столь необходимая для *серьёзных* свершений, предполагающих героизм и самопожертвование. И героизм не в отдельном поступке, а в рутинном систематическом каждодневном следовании тем или иным принципам и предписаниям.

Потому под индивидуальной *Верой* будем понимать не просто уверенность в правильности мыслей и правоте поступков, а выстраданную убеждённость, располагающую аргументацией, необходимой и достаточной для убеждения других. Что обязательно предполагает наличие некой собственной теории.

И пусть эту теорию называют религиозной. Ведь религиозная теория (в том числе и атеизм), как известно, ничем не отличается от научной. Ничем, кроме, пожалуй, подхода к основным аксиомам и гипотезам. Считается, что в случае религии гипотезы объявляются догматами, после чего последние не подлежат никаким изменениям и пересмотру, даже если их противоречие имеющимся фактам самоочевидно.

Возможность существования догматов даже в условиях полной очевидности их несостоятельности заложена, как правило, уже в самом содержании. Это могут быть указания на неисповедимость путей господних, ссылки на безоговорочные авторитеты личностей или книг, софистические самоопределения понятий друг через друга или даже неважно что, но обязательно что-то убедительное для верующего.

Но будем помнить, что это только модель и, что под воздействием практики, меняются даже догматы. Причём, это происходит непрерывно и постоянно, например, через становление и умирание бесконечного числа сект и даже «живых богов» во всех религиях.

Но эта сторона религии нам будет не интересна. Интересовать нас будет другая тема. Тема мудрости. Мудрости как истинного пути, на котором постигается и уточняется смысл существования человека и реализуется достойное его способностям место в окружающем мире.

Тернист путь мудрости. И не потому, что с***о***рно зарос или чем-то завален. Просто, начав с просеки в непроходимых джунглях животной тупости, Человек прокладывает его сам, в одиночку и в направлении даже ему самому не всегда понятном.

Сегодня, если оглянуться назад, этот путь уже заметен. Да, он извилист! Да, не везде и не так благоустроен, как это хотелось бы видеть теперь от его конца, но в целом картина обнадёживает.

И здесь можно было бы перейти к весьма полезному обсуждению эффективности этого строительства, достижений, потерь, производительности, технологий, инструментов, преимуществ, недостатков и т.п., но если мы заговорили о мудрости, то начинать надо с обсуждения направления. Куда всё-таки строить?

Правда, и раньше и теперь – всегда строили к С*вету*. Остаётся только выяснить – в чём же он этот Свет, и кто собственно светит?

История показывает, что на этот вопрос пока нет однозначного ответа на весь путь длиною в вечность. Конечно, можно предположить, что путь мудрости есть прямая последовательного прогресса, на которой её источники, стоя друг за другом и сливаясь, не позволяют видеть следующий, пока не заглянешь за предыдущий.

Но та же история показывает, что свет-таки не снаружи. Свет он изнутри. И свет этот – и есть наша *Вера*. И чем она сильней, тем он ярче. А потому-то и свет оказывается в каждом окошке разный. И у миссионера, искренне желающего посветить другим и у конкистадора, гребущего под себя из закромов Эльдорадо.

Вначале, как известно, было Слово. Говорят – одно. Позже к нему начали присоединяться другие слова и образовывать различные системы понятий, учений, а вместе с церковью мистерий и различные религии. Сегодня религий уже так много (как существующих, так и угасших), что одной больше одной меньше не суть. Время рассудит – светильник чьей ярче. Важно не бояться зажигать новые. Новые – из нового знания, нового видения мира и новых понятий, потому как зажигать их просто больше не из чего.

А сама Вера – это прекрасное светлое понятие, отображающее движущее, мобилизующее, вдохновляющее поведенческое начало любого человека.

Выше мы выяснили, что любая идеальная (понятийная) модель строится обязательно на основе одних и тех же принципов, т.е. имеет в основании систему исходных базисных утверждений, принимаемых на *веру*. Например, гипотеза о религиозном наличии всемогущего бога, или его атеистическом отсутствии, гипотезы кармические, современные гипотезы о существовании неких ментальных или информационных полей и т.д., и т. п.

В этом смысле сам человек есть не более чем система приобретённых им понятий и навыков. Отними это у Сапиенса и останется от него человек Платона – двуногий, без перьев и с широкими ногтями.

Любой Бог – это теория, описывающая сущее, объясняющая имеющиеся результаты и предсказывающая будущее в зависимости от поступков человека, т.е. система основополагающих аксиом, гипотез, догматов и предписаний поведения – как теорем из них.

При этом, как показывает история, модель Бога, как и любая другая модель, сотворённая из понятий, легко допускает варианты. Здесь и языческие боги по заведованиям (по урожаю, по охоте, по вину, по быту), боги по территориальной специфике, т. е. Яхве, Аллах, Саваоф, Будда, в котором уже растворяются и боги, и природа.

Здесь нам не это важно.

Важно понять, что боги и все их атрибуты в нашей голове или их отсутствие там же – это только предположения, выдвинутые людьми и призванные удовлетворить какие-то их потребности. Эти предположения можно принимать или отвергать, но ни доказать, ни опровергнуть их нельзя в рамках любой теории или мировоззрения, основанного на этих или других гипотезах, которые, как мы уже знаем, устанавливаются и отвергаются исключительно под натиском *осмысленных* фактов практики и собственных потребностей.

Даже математика допускает лишь *ситуативное* использование аксиом. Например, с целью упрощения измерений и расчётов при планировке земли под строительство используются известные аксиомы Евклида о плоскостях и непересекающихся (параллельных) прямых, допускающих, кроме всего прочего, использование высокоточного лазерного и оптического оборудования.

В свою очередь, для расчёта траекторий движения кораблей, самолётов, ракет требуется уже сферическое представление поверхности той же Земли, в котором сферические «прямые» (линии с нулевой геодезической кривизной) обязательно пересекаются.

Так что вопрос о *личной* гипотетической модели остаётся *только в том* – какую конкретно *модель мира* вы принимаете на Веру. *Убедительна* ли эта модель лично для вас? Совмещается ли она с вашим личным опытом и знанием, удовлетворяет ли вашим принципам, наклонностям, текущим потребностям, желаемой точности предсказаний *или нет*?

Религия и церковь

Истории становления религий посвящены тонны литературы. Здесь можно найти всё – классификации, этапы зарождения, причины угасания, условия возрождения и всё остальное, что можно только предположить на эту тему.

Вроде охвачено всё, но, на мой взгляд, остаётся необъяснённым ***главный*** феномен любой религии, сводящийся к простому вопросу: почему в религиях ***авторам*** «святых» текстов ***верят безоговорочно***, хотя эти авторы такие же люди, как и все остальные пишущие?

При этом, в качестве авторов могут выступать и апостолы, и туповатый бог Кузя, и доктора и кандидаты наук просто «записывающие за богом» или «слышащие создателя».

Что здесь первопричинно? То, – ***что*** авторы говорят? То, – ***как*** говорят? Или просто подобные учителя появляются лишь тогда, когда созревают в чём-то нуждающиеся ученики.

Тогда, в чём нуждающиеся?

Думается, что подобная нужда определяется прежде всего потребностью приобщиться «по-лёгкому» хоть к какому-то *Величию*, какому-то *Бессмертию*. Ведь приобщиться к такому же величию и бессмертию в памяти потомков за свои деяния, очевидно, сложно, поскольку требует повышенных нервных затрат и неоплачиваемой самоотдачи.

Но мы оставим эту скользкую тему другой книге. Нам всё равно вряд ли удастся выявить весь спектр индивидуальных потребностей и понуждающих обстоятельств.

Но обязательно отметим, что без надлежащей *аргументации* – становление и поддержание любых религиозных представлений мягко говоря невозможно. Естественно, это справедливо для решения и *наших* – научно-религиозных задач.

Подчеркнём – научно-религиозных (не религиозно-научных), что заставляет нас оставить всё как учили ещё в советской школе, т.е. вместе со Спинозой, Фейербахом и остальными продолжать думать, что религии создавались не богами, но людьми и делалось все это не в силу заложенного в человеке стремления к божественному, а в силу утилитарной необходимости понять, объяснить и выковать критерии «правильности» поведения в суровых условиях противостояния роковым жизненным обстоятельствам. Делалось, дабы предостеречь людей от поступков, разрушающих человеческое счастье, поступков – ведущих к болезням, увечьям и преждевременной гибели.

Конечно, здесь следовало бы отметить и борьбу за власть (как без неё). Но история развития религий показывает, что всякие злоупотребления властью заканчивались потерей доверия. А недоверие – это обязательно утрата ценностей, раскол, вражда, а то и кровь и полное падение авторитета, после которых происходит или полное упокоение религии, или медленное, и, увы, неполноценное восстановление позиций.

Так что в целом, ни одна из выживших на сегодня религий старалась не обманывать возлагаемых на неё надежд. И надежд по большому счёту, что ещё раз указывает на её востребованность, поскольку сочетает в себе собственно мировоззрение, и, одновременно, методики претворению этого мировоззрения в жизнь. А также методики, которые позволяют каждому *самостоятельно* оценивать *правильность* своих поступков, т.е. искать необходимые и достаточные средства для достижения личных целей при условии нанесения минимального ущерба себе, окружающим и среде.

Если совсем коротко, то ***любая*** религия предлагает:

– цель и систему общественных и личных ценностей;
– одобряемую авторитетами программу и способы действий по достижению этой цели;
– укрепляет уверенность в собственные силы, веру в способность активно участвовать в созидании своего счастливого завтра;
– определяет меру ответственности, права и обязанности перед реальностью;
– даёт утешение в страдании, идущем от естественных ограничений человеческих возможностей.

Всё это (как минимум) и даёт религия. Даёт как связанная система понятий (если хотите – теория), объясняющая мир и предписывающая правила поведения в нем, исходя из убедительности и авторитета начальных аксиом, гипотез и воображения авторов.

Но, увы, начального авторитета и убедительности может оказаться недостаточно для *выживания* религии.

Например, болезнью ныне вымерших европейских языческих религий являлся примат личного гедонизма (радости, наслаждений), т.е. примат индивидуальных потребностей, где социальные установки воспринимались лишь как *необходимые* (и часто – нежелаемые) условности, ограничивающие личную свободу.

Другими словами, цель жизни каждого индивида в европейском язычестве определялась стремлением к личному блаженству и, в зависимости от «школы», духовному и/или физическому, а мерилом *успешности* жизни – являлись «градус» полученных наслаждений и их объем.

Возможно это было не только естественно, но и необходимо там – на заре нашей цивилизации, когда инстинктивные наслаждения индивида являлись первым ориентиром «правильности» его ещё ограниченно разумных действий. И тем более в условиях недостаточности накопленного опыта.

Да, и проблема, собственно, не в самом гедонизме. Думается, не получится найти психически здорового человека, цель жизни которого есть организация собственных невзгод и страданий. Проблема здесь исключительно в приоритетах и злоупотреблениях.

Языческие религии запада не содержали обоснованных опытом указаний о необходимости ограничения удовольствий, об обязательности хотя бы частичного воздержания.

А отсюда и проблемы. Будучи нормой для первобытно общинного стада, гедонизм становится бичом государств цивилизованных, одной из основных причин постепенного падения их сопротивляемости внешним и внутренним раздражителям, их загнивания и последующей гибели.

И дело не только в том, что жители такого общества умирают преждевременно от беспредела, передозов, циррозов, СПИДов и психических расстройств.

В значительно большей степени иммунитет общества зависит от приоритетности *альтруизма* межличностных отношений, т.е. зависит от объёмов и развитости приёмов подчинения своих личных интересов интересам коллектива, общества, цивилизации. И без прожиточного минимума общественного альтруизма, как известно, не только человеческое общество,

но даже стадо буйволов или стая волков существовать как целостная система, как коллектив – не может. Не говоря о муравьях.

Именно это и демонстрирует опыт становления и гибели «супердержав» ахейцев, дорийцев, Греции, Рима. Демонстрирует, что именно приоритетность гедонизма порождает в обществе, Сребролюбие, Блуд, Гнев, Зависть, Чревоугодие, Леность, Гордыню, к которым мы можем смело добавить Ложь, Ханжество, Лицемерие, Предательство и т.д., ведущих общество к разложению и последующей гибели. И наоборот, религии, исповедующие первичность таких добродетелей как: – Вера, Надежда, Любовь, Мудрость, Мужество, Справедливость и Воздержание, а также Свобода, Равенство, Гуманизм и т.д., и содержат в себе то рациональное, что обуславливает стабильность общественного расцвета и выживание самой религии.

Что же касается «превосходств» *монобожия*, то оно проявлялось по мере развития государственности, по мере возникновения необходимости *единоначалия* в делах принятия стержневых решений.

И дело здесь не столько в «едино-начальнике», сколько – в «едино-решении». Хотя и в «едино-начальнике» – тоже, особенно когда реагировать на изменения необходимо максимально быстро.

А в нормальных условиях «начальником» может быть и целый Совет. Но окончательно Совет должен принимать только одно решение. Принимать решение большинством или както иначе – но решение одно, и не просто, а которому должны подчиняться все, в том числе и члены Совета вне зависимости от индивидуальных предпочтений.

В тоже время, при многобожии, каждый из богов просто *обязан* быть свободен в решениях, принимаемых в отношении смертных. Иначе – какой он Бог?

Наличие же «многих» решений по одному и тому же вопросу, позволяло тем же смертным выбирать и подчиняться только тем решениям, что выгоднее. Такая двойная, тройная и более подчинённость разным богам вела к хаосу в мозгах, к невозможности реализовать то, что реализуемо лишь коллективом, сплочённым единой волей.

Кроме того, «единобожие» предполагает и его мирское «единопредставительство», что является крайне удобным для земного «единоначальника». И хотя императоры древнего Рима в конечном итоге присвоили себе право *назначать* основных жрецов, но ведь за каждым понтификом, фециалом, фламином, луперком, салием, арвалом, авгуром, весталкой и прочими пифиями не уследишь.

А вот с *одним* «главным поп***о***м» много проще. Поскольку с одного «главного» проще требовать сразу за весь институт церкви. Институт духовного обучения, просвещения и единения верующих, а также отработки приёмов группового воздействия, усиления влияния и контроля за реализацией поведенческих предписаний. Институт сложный и трудно регулируемый.

Тогда, если взглянуть на любую состоявшуюся (выжившую) Церковь с позиций того, что существует, остаётся только преклоняться и восхищаться состоятельностью режиссуры и отрепетированностью методов её воздействия на человека. Более того, глядя на это великолепие, возникает иллюзия, что ничего существенного уже и не добавить.

Это относится ко всем известным религиям, в том числе и атеизму, особенно если он возведён в ранг Государственной Веры.

Например, «научный коммунизм», являвшийся государственной религией СССР. Здесь было всё необходимое для церкви:

– доступное пониманию обоснование основополагающих доктрин, которые можно называть научными, марксистскими, диалектическими – это не меняет дела;

– организованное поклонение, т.е. *культ* аксиом и гипотез, провозглашённых основополагающими, неизменными, что, естественно, ведёт к их догматизации;

– служители культа – комиссарствующие профессионалы утешающие, исповедующие, завлекающие, толкующие, контролирующие, освящающие, воспитывающие, вдохновляющие и совсем не в плохом смысле;

– собственные храмы-дворцы для отправления культа, собственные обряды, хоругви, гимны, клятвы, песнопения, что и образовывало «коммунистическую» церковь;

– непогрешимость церкви – грешен может быть только партиец; в целом же Партия непогрешима.

– и конечно борьба за выживание, т.е. проповедование, исповедование и преследование инакомыслящих (неверных) вплоть до крайних мер.

Ну, а Советский Союз, в свою очередь, являл собой общество с теократическим управлением, поскольку контроль за всем происходящим в государстве, в том числе и за госаппаратом осуществлялся именно партией и именно в партийных руках находилась вся реальная власть.

Справедливости ради, следует отметить, что была попытка перевести советское государство на светские рельсы. К 1952 году И. В. Сталин, (являясь председателем Совнаркома), с полной очевидностью осознал никчёмность и несостоятельность партноменклатуры в деле управления страной. И партийный аппарат имел авторитет и участвовал в управлении только потому, что его возглавлял также Сталин в должности Генерального секретаря, считавший, к тому времени, эту должность чисто декоративной.

На XIX съезде КПСС и чуть позже на закрытом пленуме ЦК Сталин намекнул на необходимость «оккамовской» реорганизации структуры управленческих органов партии, практически отстраняющую руководство партии от управления хозяйством государства, а, следовательно, и от высшей власти. Естественно, служители культа не могли позволить случиться сему позорному «отчуждению» своих привилегий и через короткое время Сталин умер при известных обстоятельствах.

А теперь скажите – разве это было всё не из одной оперы, например, с православием, католицизмом, иудаизмом, исламом и т. д.

И дело здесь не в том, чтобы как-то унизить или сблизить все эти учения, а в том, чтобы точнее отразить мысль о безысходности попыток привнести что-то новое в уже отработанные веками методы наполнения и организации идеологической оболочки общества. Думается, никакая новая религия, возникнув, не сможет обойтись без главной части этих атрибутов.

И, если рассматривать нижеследующее как исходные постулаты формирующейся религии, то очень хочется, чтобы они органически содержали в себе только лучшие моменты, позволяющие иметь максимальное число счастливых в рядах верующих.

В отношении же известных религий можно сразу отметить, что изучать историю развития цивилизации в отрыве как от положительной, так и отрицательной роли церквей, будет грубейшей ошибкой, полностью обнуляющей результаты.

Но, с другой стороны, сегодня вера в то, что некто Всемогущий за одну неделю сотворил Землю и всех ея тварей – есть-таки явная недооценка возможностей человеческого интеллекта.

И, тем более, в наше время, с нашими знаниями и возможностями, вызывает крайнее сомнение (а у меня – так и протест) необходимость реанимации в нашей стране мировоззрения, освящающего безысходную зависимость людей от божественного промысла. Мировоззрение безусловной покорности и ожидания помощи с неба. Помощи, которую можно заслужить лишь, оставаясь безропотным и смиренным рабом господа или любых других мистических предначертаний.

И вообще возрождать вчерашние религии – это как если реставрировать сравнительно свежее представление о Земле как большом чемодане, поддерживаемым тремя слонами, стоящими на спине рептилии, плавающей в безграничном океане. Устарели эти модели. Ус-таре-ли.

Да и сама церковь постепенно, но очень последовательно перерастала в коммерческую организацию-посредник между населением и богом. Чтобы убедится в этом достаточно зайти в любой храм и ознакомится с прейскурантом услуг, предоставляемых служителями культа и убедиться, что даром вас там никто не обслужит.

Занятно, что если родственники не оплатят, то вас не отпоют, не упомянут ваших заслуг, не упростят ваше перемещение в царствие небесное. Так что в чистилище вам придётся рассчитывать только на свои силы.

Единственно, что кого-то может порадовать, – это демократичность оплаты, её независимость от заслуг усопшего перед господом или обществом. И за большого грешника (проще – убивца), и великого праведника платить придётся одинаково.

Это мы говорили о господствующих конфессиях с отработанной веками системой сбора «пожертвований». Будет справедливым чтобы мы хотя бы в двух словах и о конфессиях новых.

А из новых – есть много чего. И живые боги, и демиурги по мастям и заведованиям, и всекосмические разумы, а даже обобщение их всех – всегалактический-бого-разум, нуждающийся в помощниках, которым может стать любой из ныне живущих. Естественно, при определённом объёме выплат и, естественно, после смерти.

Другими словами, как всегда – многообразие действующих героев и декораций, а суть одна.

И она не в том, что в той новой (загробной) жизни у новообращённых будет свой «старш***о***й», которого им и там предстоит слушаться. Нет. Смысл в другом. А именно в том, что ещё «в этой жизни» у этого «старшого» есть местный «озвучиватель», которого следует любить, доверять и главное – тратить деньги как он рекомендует.

Денег можно немного. Рублей по 100 – 300 в месяц (что может легко позволить себе даже пенсионер) на книжечки, листовки, мероприятия, да и в фонды какие.

И не важно как зовут этого «озвучивателя» и кто он. Доктор ли реальных (сомнительных) наук или живой и грубый «бог Кузя». Просто, если «озвучиватель» нового бога наберёт хотя бы полмиллиона адептов, тратящих на его религию всего 200 руб. в месяц, то за год после вычета налогов у него останется где-то миллиард.

А это, согласитесь, не так уж и мало за всего лишь абсолютно ни к чему не обязывающее приобщение к лику «избранных» при жизни и пустом обещание комфортного существования после смерти.

Философия

Поскольку мы предполагаем рассуждать с претензией на мудрость, то возможно для обозначения нашей интеллектуальной «крыши» вместо религии было бы уместнее использовать философию, которая, к стати, в отношении мудрости означает, как известно, любовь к оной.

Конечно, это можно, но, к сожалению, круг задач сегодняшней философии до сих пор не определён и существенно зависит от конъюнктуры и авторских предпочтений. Да и сама она сегодня отмахивается от всех рекомендаций, даваемых ею же в очень недалёком прошлом.

Но, тем не менее.

Сразу отметим, что, рассуждая о философии, мы будем иметь ввиду развивающуюся философию запада, которая изначально тяготела к науке, к её страсти познания и упорству в отстаивании взглядов вплоть до кулачных драк в философских аудиториях.

У восточной же философии, как известно, так и не получилось оторваться от теософии. Философское мышление востока изначально развивалось через срастание преданий и традиций с философскими рассуждениями. При этом, сомнения отрицались, постоянство и преемственность приветствовались, а влияние достижений науки было несущественным. Потому и до сих пор основой предпочтений в философии Востока остаётся – традиционализм.

И так, философия западная. Точнее – восточная философия Запада, т.е. российская и чтобы понимать, что с ней не так, приведу несколько российских определений этого понятия.

1983 год. Диалектический материализм ещё считается государственной философией теократического СССР, хотя идеологическая перестройка уже объявлена.

Открываем:

«Философский энциклопедический словарь», М., «Советская энциклопедия», 1983 – 840.

Читаем:

«Философия (…греческие буквы…) – форма общественного сознания; учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру; наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления».

Таким образом, как мы видим:

– Сознание «общественно», хотя неизвестно – кто или что является *носителем* подобного типа сознания. С индивидуальным сознанием понятно. Носители – это Иванов, Петров, Сидоров. А вот какому носителю пришить сознание «общественное» – никто не знает. Такая задача не ставилась. И уточнять – не рекомендовалось.

– Философия – всё ещё наука о *всеобщих* законах развития *природы*. Т.е. законов, изучаемых науками естественными для объяснения происходящего недостаточно. Оказывается, в природе действуют некие «всеобщие» законы, понимание которых доступно лишь диаматной рефлексии. И хотя так и не был выявлен ни закон, ни район существования, ни область действия хотя бы одного «всеобщего» закона, – не беда. Надежда в диамате живёт и умирает только вместе с его носителями.

2001 год. Деятельность КПСС прекращена и её организационные структуры окончательно распущены, имущество – конфисковано. Амбиции диамата поумерились.

Открываем:

Философский словарь / Под ред. ***И. Т. Фролова***. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

Читаем:

«Философия (…те же греческие буквы…) – форма духовной деятельности, направленная на постановку, анализ и решение коренных мировозренческих (мировоззрение) вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и на место в нем человека».

Никакой запредельности. Всё почти по Сократу. Это что? Могут, если долбят? Или личная заслуга И. Т. Фролова?

Просто – «форма ***духовной*** деятельности» и ничего лишнего. А, что, – великолепное определение. Разве что, есть в нём что-то от определения религии. Ну, по крайней мере, как бы я его сам вчерне изложил.

2010 год. Устаканенное постсоветское время. Философских академиков не ругают. Званий не отбирают. От кормушки не отталкивают.

Открываем:

Новая философская энциклопедия: В 4 т./Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010 — 744 с.

Читаем:

«Философия (…те же греческие буквы…) – особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни».

Здесь уже не просто возврат к «форме общественного сознания», а ещё и к «особой» его форме. А в особой форме, как известно, мыслят не только особые люди, но ещё и особым образом. Да, и форма, мы видим, уже не только сознания, но и *познания мира*. Так, что похоже, к этому времени обнаружились и другие механизмы познания кроме сознания.

Да и от «фундаментальных принципов человеческого бытия» резко попахивает онтологическими «общими принципами» определения 1981 года. Особое амбре от понятия «бытие», которое сегодня на философском сленге привязано к объективной реальности (материи, природе), а также материальным условиям жизни общества.

Другими словами, очень похоже, что сколько российского философа не корми, он таки в диамат смотрит. Остаётся надеяться, что смотрит *пока*. Пока опять кто-то или что-то российского философа не надоумит.

Диамат – амбициознейшее философское учение. Философы этой школы даже сегодня не хотят признать:

– что, в природе не было, нет и не будет никаких «всеобщих», «диаматных» или просто «философских» законов, познание которых доступно лишь *диалектической* перцепции, анализу и синтезу;

– что сегодня подобные декларации следует воспринимать как проявления психопатических синдромов «Мантры Надежд» – поднять-таки себя за волосы до интеллектуальных высот, недосягаемых для дурно мыслящих;

– что философия – это просто вид интеллектуальной деятельности, соразмерной с деятельностью литературной, где ты, если и преподаёшь с кафедры, и даже пишешь статьи и диссертации о произведениях уже состоявшихся авторов, то ты есть литературовед, и называть тебя писателем *не принято*;

– что пора вводить ту же практику и у философов, т.е. отличать философов от изучающих их труды «философоведов», «мудроведов» или как-то иначе, т.е. отличать величину вклада «во всеобщее развитие», например, академика от философии Б. М. Кедрова от вклада рядового философа – Э. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха….

Немного отклонюсь и отмечу что, если слово с окончанием «…веды» вызывает у вас привкус некой ущербности, то это ваш домысел, акцентуированный вашей, похоже, не во всём удавшейся судьбой.

Дело в том, что необходимость учреждения всякого нового «…в***е***дения» опосредована прежде всего теорией и практикой преподавания. И здесь, к сожалению, далеко не каждому из нас встретился жванецковский «Борис Ефимович Друккер», которому мы навсегда остаёмся беспредельно благодарными «за знакомство с ним, за личность, за истрёпанные нервы его», за знания, что он даже не дарил, а чаще – эдак вколачивал в наши ещё несостоявшиеся головы.

Маэстро – он в любом «в***е***дении» маэстро. И в «в***е***дении» от философии исключением не будет.

Ну, а сутью самой философии остаётся всё-таки мудрость. И это не один я так думаю. Так думал уже Сократ, который ограничивал предмет философии исключительно *смыслом бытия* человека. И ограничивал исходя из достаточно длительного и многоаспектного опыта использования этого термина. Ведь слово «философия» (как любовь к мудрости) было произнесено примерно лет за сто до Сократа. По легенде – это сделал первым Пифагор, отказавшийся от титула мудреца ограничившись званием любителя. И именно с тех пор всякий публично когнитирующий получил возможность называть себя философом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.